

Колыбель

боли

Максим

Пейн

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Пейн

Колыбель боли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51650728

SelfPub; 2020

Аннотация

Боль... Так много боли в этой жизни, что мне кажется, будто кроме неё ничего и нет. Четыре главы, как четыре этапа жизни и на каждом встречается своя, особенная боль. Содержит нецензурную брань.

Предисловие

Смерть – явление, которое мы боимся в пору нашего детства. Мы боимся, что умрут наши близкие, погибнем мы или весь мир. А по истечении пяти – десяти лет наш мозг блокирует мысли о смерти, после чего мы не возвращаемся к ним до тех пор, пока она не достигнет нас или наших близких.

Чудесное свойство мозга забывать (уберегать) плохую информацию, ту, что приносит нам боль. Это делается для того, чтобы мы не терзали свою душу, свой разум постоянно. Возможно, это лишь смирение с тем, что неизбежно ждёт в конце пути каждого из нас.

Но разумно ли это смирение? Мы забываем драгоценность каждого прожитого дня, времени, которое мы проводим с близкими людьми, не осознавая, что наша жизнь не бескрайна, что она никогда не прервётся. И чем же мы заняты в эти дни, часы, минуты, которых у нас не так уж и много? Лежа на диване, просматривая очередное телешоу, чтобы хоть как-то отдохнуть после рабочего дня. А завтра мы отправляемся в очередной день сурка: на нежеланную работу и нежеланную жизнь, чтобы проводить её с людьми, которые нам неприятны. И так до самой смерти, изредка что-то меняя в своей жизни, что незначительно повернёт её под другим углом. Просто отдавшись течению...

Колыбель боли

Глава I

Раннее детство

– Милая, просыпайся, тебе пора завтракать!

– Ну па-а-ап, можно ещё хоть немножечко, хотя бы одну минуточку... – сонным голосом, слегка приоткрыв один глаз, ответила Алиса.

Раннее осеннее утро между шестью и семью часами, когда первые лучи освещают комнату, а за окном начинает бурлить жизнь. Бесконечные пробки, удваивающие ваш путь куда-либо; заспанные недовольные люди, что-то ворчащие себе под нос, которые суетятся как муравьи после того, как какой-то мальчишка разнёс в хлам их муравейник, на свою драгоценную работу. Именно в эти ранние часы наша маленькая героиня просыпается, чтобы позавтракать со своей немногочисленной семьёй, и отправиться вместе с папой в садик.

На небольшой кухне, где вмещалась в основном кухонная утварь, мама – прекрасная женщина в расцвете сил – её лицо ещё не покоробили морщины, а фигура давно пришла в порядок после родов, что случается не так часто, – суетливо готовила незамысловатую еду. В классическом варианте это была овсяная каша с сухофруктами либо с дешёвыми сезонными фруктами, оладьи и вкусный чай. В этой семье большое значение выпадало на долю чая. Зелёный – по утрам,

для более лёгкого пробуждения; белый чай – если у кого-то заболела голова, и чёрный – чаще всего это был пуэр двадцатипятилетней выдержки – по вечерам.

– Ну что, она проснулась? – поинтересовалась Мая у своего горячо любимого мужа.

Когда она услышала положительный ответ, то нежно поцеловала его в щёку, оторвавшись от готовки и уделив несколько секунд своему мужу, что превращались для него в длительное блаженство. Пожалуй, в таких мелочах чувствуется красота жизни, когда перед завтраком с семьёй тебе дарят кусочек любви. Их семья обрела бесконечное счастье, когда у них родилась маленькая девочка, с учётом, что им не удалось завести детей около шести лет. Тяжело знать, что ты не можешь иметь детей: в минуты отчаяния они хотели взять малыша из приюта, ведь какая разница, чей ребёнок. Главная задача – подарить ему счастье и любовь.

– Па-а-ап, а что у нас сегодня на завтрак?

– Папа в ванной, принимает душ. Садись за стол и начинай завтракать, он сейчас придёт.

Буквально через пару минут Мая – старшая женщина в этой квартире, – увидела перед собой тридцатидвухлетнего мужчину с подкаченным оголённым торсом и густой бородой. Она часто задавалась вопросом насчёт его растительности на лице, ведь он не сбривал её с момента зачатия его ребёнка. Ей становилось обидно, что, скорее всего, малышка не узнает его в тот момент, когда он сбреет бороду. А ведь он

настоящий без бороды. Нет, конечно, он и с бородой настоящий, но она повстречала его молодым, когда на лице были редкие волосинки, которые и бородой назвать было нельзя, и запомнила его таким на всю оставшуюся жизнь. Эти мысли не давали покоя лишь тогда, когда она оставалась наедине с собой.

– Ну что, красавицы, вы ещё не успели съесть без меня завтрак? Я уже соскучился по вам, пока был в ванной, – с широкой улыбкой на лице сказал Марк, а затем подошёл и обнял по очереди сначала свою супругу, а затем дочь.

Участковый врач-терапевт в России 2020 годов с заработной платой не более тридцати тысяч вряд ли мог рассчитывать на более-менее приличный автомобиль. Естественно, если забыть про возможность получить кредит, хотя в это время большая часть людей и жила за счёт кредитов с беспощадными процентами. Во всех государствах стараются нажиться на людях с маленьким доходом, тем более, если они хотят казаться средним классом. Но у Марка, как и у других людей, были на этот счёт свои принципы. Один из них – ни при каких обстоятельствах не брать деньги в кредит, если на то нет крайней необходимости. Один раз за свою жизнь ему пришлось нарушить данное себе обещание.

Это случилось на седьмом году отношений, когда они перепробовали все возможные варианты лечения в России для успешного зачатия ребёнка. Именно тогда ему пришлось занять деньги у всех своих знакомых друзей, хотя их было не

очень много, и у одноклассников, и, в конце концов, в банке под приличный процент. Собрав нужную сумму, они отправились в клинику, которая находилась в Германии, где Майе было произведено несколько успешных операций, после которых им таки удалось зачать младенца. Удивительно, что в наше время, даже имея деньги в России, в большинстве случаев невозможно решить проблемы, связанные со здоровьем, а в странах Европы или Америки для этого потребуется пара операций, и ты снова здоровый и полноценный человек. Конечно, стоит отметить, что это не стопроцентное утверждение, но шанс предоставляется гораздо больше. А это куда лучше, чем ни одного.

– Извините, вы не уступите место моей дочке? – поинтересовался Марк у женщины, сидящей на одном из сидений в трамвайном вагоне.

На это он услышал отрицательный ответ и парочку нелестных фраз: «Желаете ездить сидя, покупайте своё авто или вызывайте такси» и «Я женщина, мне тоже тяжело ездить стоя».

– Что ж, вы могли просто ответить «нет» – я ведь не настаивал.

– Молодой человек! Вы что, будете теперь мне хамить? Почему я просто не могу спокойно доехать до своей остановки? Для чего создавать конфликт на ровном месте, да ещё и в утреннее время, когда мозги не отошли от сна?

Марку было понятно, для чего форсировался этот кон-

фликт немолодой леди. Когда вам уже за сорок лет, дети выросли и съехали в свои гнезда, муж постоянно выпивает и не приносит зарплату, работа превращается в место, куда хочется ехать в самый крайний случай. Эмоций, которые так нужны человеку, уже неоткуда черпать, а такие мимолётные моменты, как сейчас – это шанс выплеснуть гнев (то есть выдать эмоции наружу), и за этот шанс они хватаются сию же секунду двумя руками и оставшимися зубами. Именно поэтому он выбрал лучший вариант в сложившейся ситуации: взять свою дочь на руки и отправиться в другой конец трамвая.

Удивительно было лишь одно: каждый раз, когда он отвозил дочку в садик, все места в общественном транспорте были заняты вот такими женщинами от сорока до бесконечности лет. Но иногда в качестве исключения ему удавалось проехать сидя со своей дочуркой. В том, чтобы ездить стоя, он тоже не видел ничего плохого, ведь не так уж много времени пройдёт, когда он не сможет носить свою малышку на руках, и на то будут разные причины.

Всю поездку, занимавшую около часа, до него доносилось ворчание пассажирки, находившейся в начале вагона. Но это стало уже больше фоном, потому что Марк был сосредоточен на своём плече, где спала маленькая Алиса. Такая кроха: маленькие нежные ручки, носик, ещё ничем не обременённый разум. Но настало время подъёма, и ему пришлось разорвать идиллию, возникшую в этот момент.

– Лисичка моя, просыпайся, мы уже почти возле садика.

– Па-а-ап, а можно я сегодня останусь с тобой?

– Ты ведь знаешь, что так нельзя. Тебе надо в садик к твоим друзьям, мне – на работу к моим, чтобы заработать денег, и вы с мамой ни в чем не нуждались.

– Но ты и так почти каждый день на работе! Мы нуждаемся в тебе, – с грустью ответила девочка и опустила глаза. На одном глазу начала появляться слезинка, а на лице образовалась гримаса несчастья.

– Скоро я возьму отпуск, и мы поедем все вместе к бабушке с дедушкой, просто нужно немного подождать. Хорошо? Договорились? – он уже знал все приёмы своей дочурки, и эта слеза была одним из них. Интересно, откуда она этому научилась?

– Хорошо, – не без уныния ответила Алиса. – Может ты заберёшь меня из садика?

– Из садика тебя забирает мама, и ты это прекрасно знаешь, я ведь на работе. Давай, малышка, увидимся после садика, – они уже дошли почти до центральной двери.

– Я люблю тебя.

Марк обнял свою дочку и поцеловал в щёку. В такие моменты, а они случались нередко, у него пробивалось небольшое количество слёз, а на душе повисала тоска. Конечно, он понимал, что вечером они снова увидятся, но тем не менее ему не хотелось расставаться с дочерью ни на секунду.

– Что ж, у меня осталось около сорока минут, чтобы добраться до работы. В принципе, этого вполне достаточно, чтобы успеть вовремя, – сказал Марк сам себе.

Такое случалось довольно часто. Он погружался в свои мысли и витал в них с превеликим удовольствием, будто в невесомости. Полностью расслабленным он мечтал о том, что должно случиться. Сколько поездок со своей семьёй ещё предстоит совершить. «Сколько нового должна узнать и увидеть его дочь», «чему её предстоит ещё научить» – одна из черт, которая характеризовала его как истинного интроверта. Когда ты вынужден находиться среди широкого круга людей, нет варианта отдохнуть от них, кроме как погрузиться в себя.

Восемь часов и сорок пять минут на часах. Открывается дверь кабинета в одной из Краснодарских поликлиник, заходит наш главный герой и готовится принимать первых пациентов. Через главный вход входит женщина лет сорока пяти и направляется по длинным коридорам с облезшей штукатуркой и неприкрытыми трубами к лестнице, дабы подняться на второй этаж по ступенькам, которые делали ещё при советском союзе и вряд ли их можно назвать красивыми и пристойными. На втором этаже она рефлекторно поворачивает направо и движется к шестому кабинету, к тому самому, в котором она проработала более семнадцати лет и за это немалое время повидала примерно столько же сменившихся врачей. Подходя к двери кабинета, она здоровается с уже за-

нявшими очередь пациентами. Почти всех она знает по имени и фамилии – это, если можно так выразиться, постоянные клиенты. Те самые клиенты, которые едут в автобусах пораньше с больной душой, у которых вечно что-то болит, а даже если ничего не болит, им просто требуется выпить какое-нибудь лекарство, ведь тогда-то им станет гораздо лучше.

– Доброе утро, Наталья Андреевна! Как ваши дела?

– Доброе утро, Марк! Ой, даже не знаю с чего начать-то. Дочку мою хахаль бросил! А я ведь ей говорила, что нехрен с ним возиться – он тот ещё мудозвон!

Каждый рабочий день начинается с того, что медсестра шестого кабинета рассказывала о своих горестях в жизни: насколько у неё все плохо и разве может быть ещё хуже.

Плавно открылась дверь, в которой виднеется половина туловища пожилой женщины, интересуясь, можно ли войти, на что Марк с удовольствием отвечает, что не просто можно, а даже нужно.

– Ты только представь себе, он напился вчера просто вдрызг и начал бить мою милочку. Ты можешь себе представить, что она не хочет идти подавать на него заявление?! Говорит, любит его и всё! Каких только козлов не подкидывает судьба нашим детям.

– Давайте обсудим это после, а пока что у нас больные.

– Валентина Петровна, – поздоровался Марк, держа в руках медицинскую карту пациентки. – На что жалуемся сего-

дня?

Валентина, одна из таких любительниц посещать больницы чуть ли не каждый день. Иной раз из-за болей, а иногда и просто по привычке.

Так и продолжался весь день: заходили пациенты с однообразными симптомами и диагнозами. Наталья Андреевна при любом возможном моменте пыталась рассказать свою душеспипательную историю – как её святую дочь избивает тиран, а из-за большой любви к нему она это терпит. А наш герой мечтал о том, чтобы уйти с работы пораньше, чтобы лично забрать свою дочь, что случалось довольно редко.

– Натали! Вы не будете против, если я сегодня уйду на один час пораньше? Хотелось бы забрать дочку, конечно, если вам будет не трудно.

– Марик, тут такое дело, я сама хотела у тебя отпроситься сегодня пораньше. Я хочу сегодня сходить к этому охламону и надавать люлей, может он хотя бы меня послушает. А? Ты не против? Завтра можешь хоть на два часа раньше уйти.

– Ладно, раз уж у вас такое дело, конечно идите.

– Ой, благослови тебя бог, золотой ты мой! Что б я без тебя делала?

– Перестаньте меня смущать.

Рабочий день заканчивался. Он остался в кабинете один, принимая оставшихся пациентов. Конечно, ему было грустно, что сегодня не получилось уйти пораньше, но не стоит расстраиваться, ведь он сделает это завтра. Тем временем

пора бы уже собираться. Нужно ещё зайти в булочную и купить любимый вишнёвый пирог для его семейства.

– Мам, а мы можем купить что-нибудь сладкое?

– Алис, ты ведь знаешь, что мы сейчас не можем позволить себе много сладкого, тем более что дома лежат конфеты.

– Ма-а-а, ну мне хотелось кушать что-нибудь вкусненькое, пока мы идём домой.

– Я тебе ещё раз говорю, зайка моя, не сегодня. У мамы сейчас нет денег.

Они шли по дороге, по которой шагали каждый день. Уже началась середина осени: в этот момент спадает летняя жара, и воздух становится более влажным и приятным для дыхания. Деревья начинают окрашивать свою листву в прекрасную палитру красок, а уже через несколько недель они сбросят их на землю, образуя мягкий ковёр. Этим и прекрасна осень – когда ты идёшь в слегка прохладную погоду, а под ногами шуршит листва. На небе сгущаются облака, и приближается сезон дождей. Пора, когда можно укрыться от осенней погоды в доме, с кружкой чая, в компании своей семьи или в одиночестве, с каким-нибудь романом в руках.

– Почему ты вышла из садика грустной?

– Меня сегодня Кирилл ударил палкой в живот, – ответила несчастная девочка, оставшаяся без сладкого на прогулке.

– А ты что сделала?

– Я заплакала и убежала.

– Господи, какой ужас. Давай когда придёт папа, всё ему и расскажем. Он придумает что делать.

– Хорошо.

Уставшая от работы Мая понимала, что нужно решить этот образовавшийся конфликт, но у неё не было сил на это, так как дома предстояло приготовить ужин, и она знала, что по части разрешения ссор – это к Марку.

Придя домой, он осторожно открыл дверь ключом и незаметно пробрался на кухню, где его ожидали любящие дамы.

– Ну что, миледи, не заскучали без меня? – с улыбкой на лице произнёс Марк.

– Па-а-а-па пришёл! – Алиса рванула с места и прыжком заскочила на руки отца, крепко обняв его обеими руками.

– Моя ты хорошая.

– Ты скучал по мне, па?

– Конечно скучал, как могло быть иначе? Я всегда буду скучать по тебе, когда ты будешь не рядом со мною.

– Я всегда буду с тобой, – улыбаясь и прижимаясь ещё крепче, проскандировала Алиса.

– Я тут кое-что прикупил. Надеюсь, ты не разлюбила вишнёвые пироги?

– Ура-а-а! Конечно нет, папочка.

Следующие полдня не запомнились ничем интересным. Обычная рутина, поход в детский сад, а затем на работу, где все старые лица, ожидающие новой дозы внимания от доктора.

– Наташ, вы ведь помните, что мне нужно уйти пораньше, не так ли?

– Конечно, мой хороший. Иди с богом хоть сейчас.

– Сейчас я не могу, вы ведь прекрасно это знаете. У нас ещё куча пациентов.

– Я тебе хотела сказать, что когда пожелаешь, тогда и иди.

– А как там ухажёр вашей дочери, вы сделали, что хотели?

– Та-а-ак... нужно позвонить Майе и предупредить, что я зайду в садик, а затем мы немного погуляем.

Марк хотел ребёнка, когда ему не было ещё и двадцати лет; он представлял, как он будет играть, любить, заботиться о своём ребёнке. Но также он осознавал, что сам ещё ребёнок и не сможет обеспечить свою семью всем необходимым. Шли годы, он учился на хорошие оценки, с планами стать отличным хирургом. Шестой курс – заключительный этап обучения, он встречается чудесную девушку по имени Мая. Верите ли вы в любовь с первого взгляда? Нет или да – это неважно, потому что произошло это с двумя людьми, и они были до бесконечности счастливы находиться друг с другом. И все было идеально, пока дело не зашло к тому, чтобы завести ребёнка. Бесконечные попытки зачатия, многократное и долгое лечение практически заставило их опустить руки – семь лет безуспешной борьбы. За эти долгие семь лет Марк отказался от всех вредных привычек и неправильной пищи, переосмыслил своё мышление и поведение, даже начал ходить в церковь и молить Бога о помощи. И в конце концов

всё оказалось не просто так: у них выпал шанс собрать деньги и отправиться в другую страну за помощью. Спустя ещё пять лет, уже счастливых, невзирая на то, что у него осталось ещё куча долгов, он довольный идёт забирать свою дочь из садика.

Тем не менее он понимал, что совершает небольшую ошибку в воспитании, так как сказал, что не сможет забрать её из-за работы, а получилось совсем наоборот. Но в правилах бывают исключения, главное, объяснить это дочери, чтобы в дальнейшем у неё не создавалось пустых ожиданий.

– Алиса! – прокричал Марк, увидев, как дочь общается со своими друзьями в детском саду.

Он сделал это не сразу, а спустя несколько минут, понаблюдав, как его девочка быстро растёт. Казалось, что буквально вчера она помещалась на его руках, а уже сегодня стоит и ведёт о чем-то беседу. Не так уж много времени пройдёт, когда он увидит первого парня своего чада. Какие чувства посетят его голову в этот момент? Пожалуй, сейчас это не важно. Некоторые проблемы стоит решать по мере их поступления.

– Па-а-а-ап! – не попрощавшись со своими друзьями, девочка побежала к отцу с широкой улыбкой на лице. Её длинные каштановые волосы поблескивали от лучей заходящего солнца, а голубые глазки сверкали от радости.

– Но ты ведь сказал, что меня заберёт мама?!

– Меня отпустили пораньше, и я решил прогуляться с то-

бой, пока мама немножечко отдохнёт от нас двоих. Слушай, а тебе что, не нравится, когда тебя забирает мама? – Марк вопросительно приподнял бровь и прищурил глаз.

– Нравится, но просто я очень люблю, когда ты приходишь за мной. Мы ведь идём гулять и ты покупаешь что-нибудь вкусное. А ещё я люблю тебя сильно-сильно.

– Ладно, пошли потихоньку. Ты все вещи забрала?

– Да.

Они возвращались домой по центральной улице, где располагалось значительное количество магазинов, торговых центров, ресторанчиков и, как следствие, большое скопление людей; а называлась эта улица, судя по табличкам, KRASNAYA STREET.

– Ну что, красавица, мороженное или сладкая вата?

– ВАТА!

– Хорошо, только не отходи от меня далеко.

Алиса отходит от отца буквально на десять метров, и в это время Марк наблюдает, как к ней подходит мужчина, улыбающийся во все тридцать два белоснежных зуба. Будто немного посмеиваясь, он пытается скрыть это своей ладонью. Круглые глаза с огромными зрачками, а в них блеск, словно падающая звезда отразилась в них. Улыбка напомнила ему лицо безумца. Лицо парня вроде бы знакомо – он точно видел его где-то раньше, но никак не мог припомнить, где именно.

Время вдруг останавливается, и он видит, как этот улыба-

ющийся мужчина с вожделием смотрит на его дочь и заносит руки за спину, что-то доставая из рюкзака. И вот через несколько секунд в его руках появляется бита, в которой вогнаны гвозди. Спустя ещё пару секунд – замах – и бита со всей силы впивается в голову девочки, а из уст мужчины с битой слышится восторженный клич с безудержным смехом.

– О ДА! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! Ещё одна. Mam, пап, это все вам!

Тут же улица заполняется криками женщин, прибывающих в шоке от увиденного. Машины останавливаются, кто-то вызывает полицию и скорую помощь, а некоторые просто снимают происходящее на смартфоны. И ни один не решается помочь девочке, кроме её отца. Марк рванул к безумцу, чтобы... чтобы он ещё не знал, что сделает, – в такие моменты в ход идут первобытные инстинкты.

Безумный парень, увидя, что к нему несётся какой-то мужчина, стал истерично вырывать застрявшую в голове девочки битку и в последний миг освободил её. Следующим взмахом он уложил Марка точным ударом в челюсть, да таким, что хруст раздался по всей улице. Тело девочки обмякло и упало замертво одновременно с телом отца, из её головы бурно начала вытекать кровь и что-то серое. Глаза вылетели из орбит, свисая, словно на пружинках, а рот открылся, будто пытаюсь что-то сказать.

Безумец, что устроил это побоище, снова начал смеяться истерическим голосом, пугая всех окружающих. Затем, рез-

ко успокоившись и на чем-то сконцентрировавшись, побежал куда глаза глядели. Два тела остались обездвижено лежать на главной улице города. Большинство женщин плакали от увиденного, а их кавалеры пытались увести их подальше, чтобы как можно быстрее забыть этот инцидент. Звуки сирены скорой помощи нарастали с каждой секундой, и спустя несколько минут медики уже осматривали тела. Мужчина был жив, хотя у него были заметны травмы и он лежал без сознания, а вот маленькая девочка уже скончалась...

Марк очнулся спустя двое суток и обнаружил в палате свою супругу – она ещё спала. Он не совсем понимал, что делает в больничной палате в роли пациента, хотя уже почувствовал боль в челюсти, а также отметил то, что не способен пошевелить ею, будто она зашита, чтобы он никогда больше не заговорил. Увидев напротив себя зеркало, он слегка приподнялся на локтях и обомлел от своего отражения: сразу стало ясно, что у него сломана челюсть. Но один факт оставался абсолютно неясным: его тёмные волосы, которые были на его голове совсем недавно, стали абсолютно седыми, будто на его голову надели парик из серебряных волокон.

Мия проснулась, почувствовав движения на кровати, и обнажила свои опухшие и заспанные глаза, взглянув на мужа с бесконечной болью – это сразу заметно – такой взгляд невозможно описать, его лишь можно увидеть и всё сразу стаёт ясно. Она в очередной раз заплакала, когда рассмотрела мужа и бросилось к нему в объятия. Интересно, что объ-

ятия помогают не только в радости, либо при встрече, но и также в горе, когда человек ощущает тепло другого и вжимается ещё сильнее, ради того, чтобы ему стало хоть капельку легче.

– Наша девочка, – прошептала Мая и зарыдала ещё сильнее.

Оказавшись в такой сцене, Марк мигом вспомнил произошедшее и, не сдерживая эмоции, заплакал.

Возможно их слёзы не остановились бы до тех пор, пока в их теле не осталось бы и маленькой капли воды, но, к счастью, их прервала медсестра.

– Здравствуйте. Ой, божечки, давайте я вам сейчас принесу успокоительное.

Пара, что находилась в палате, даже не отреагировала на эти слова. Буквально через пару минут к ним вернулась больничная сестра.

– Вот. Примите, пожалуйста, вам должно стать чуточку полегче.

– Спасибо, ответила Мия за двоих.

– Я сейчас оставлю вас буквально на полчаса. К этому времени вы уже успокоитесь и к вам придёт главврач, а затем навестят сотрудники полиции.

Слушая эту женщину, они не проронили ни одного слова, а только лишь кивнули по завершению её монолога, после чего она покинула палату. Марк жестом попросил свою жену дать листик и ручку, чтобы он мог ей написать. Поко-

павшись в своей небольшой сумочке, Мая нашла блокнот и ручку. Немного прикрыв лист бумаги, он начал писать, затем остановился на несколько мгновений и посмотрел на свою супругу. На его глаза накатили слёзы, а скулы начали будто что-то пережёвывать. Затем он снова наклонил голову и чуть поддёргиваясь продолжил написание.

Первый лист, что был уже полностью исписан, он вырвал и смял в комок, отбросив его в мусорное ведро, а затем, уже не прикрываясь, написал лишь несколько слов.

«Прости меня. Я не знаю, что будет дальше»

Таблетки ещё не начали основательно действовать, Мая в очередной раз заплакала.

В палате послышался стук – они увидели, как в дверь заходит однокурсник Марка.

– Здравствуйте, ребят, – и на этих словах он на несколько секунд замялся, так как часто рассуждал, что говорить в такие моменты. Зачастую он приходил к одному правильному решению: лучше промолчать – словами здесь не поможешь. Но когда дело доходит до твоих родственников, друзей, молчание скорее выглядит как оскорбление, именно поэтому ему пришлось добавить – Соболезную вашей утрате. Я даже не знаю, что и сказать, вы, главное, держитесь.

– Привет, Коль. Спасибо тебе большое, – тут же ответила Мая.

– Узнав, что произошло, я решил поместить тебя в одиночную палату. Это всё что я смог сделать. Если ещё что-либо понадобится, вы только скажите. Также я договорился со своим знакомым психотерапевтом, как только ты сможешь говорить, он будет ждать вас.

И только Мая попыталась задать вопрос, как Николай тут же её прервал.

– Всё абсолютно бесплатно, даже не думайте об этом. Смотрите, в скором времени к вам придёт сотрудник из полиции, чтобы рассказать, что у них есть по этому делу. Это всё, что мне известно. Затем вам нужно будет пройти со мной в морг, чтобы освидетельствовать тело.

Со слезами на глазах они одновременно качнули головой несколько раз.

– И последнее. Мне нужно провести обход, и если вам что-нибудь понадобится, дайте мне знать – можете позвать медсестру.

Сорок минут до прихода полицейского длились около вечности. Время будто остановилось и решило передохнуть. Находясь в палате наедине, Марк и Мая ушли в своё сознание, перебирая мысль за мыслью, чтобы хоть как-то убить время. Их отрешённость прервал стук в дверь, а затем появление капитана полиции.

– Здравствуйте, капитан Сорочкин, соболезную. Чтобы не затягивать, перейдём сразу к делу.

Марк и Мая даже не успели прийти в себя, как капитан

начал рассказывать о деле.

– Вашу дочь убил некий Михаил Резников. Он является пациентом психиатрической больницы уже три года с такими диагнозами, как биполярное расстройство последней степени. Последние годы он находился в депрессии и попал в лечебницу после того, как попытался покончить жизнь самоубийством, а когда его остановила родная тётя, то он напал на неё, нанеся серьёзные увечья. Последние пару лет пребывания на принудительном лечении он вёл себя спокойно и тихо, не вызывая никаких подозрений. Так вот, позавчера на прогулке (да, пациентов выводят подышать свежим воздухом) санитары отвлеклись на несколько минут, после чего Михаил сбежал и отправился в дом, где он жил с тётей после гибели своих родителей. Он сказал ей, что его отпустили домой на пару дней, и она поверила. А на следующий день он отправился на прогулку, вооружившись битой. На первом допросе он всё-таки рассказал нам, по какой причине напал на маленькую девочку. Надеюсь, вы готовы выслушать? Или я могу рассказать об этом в другой раз.

– Да, продолжайте, – ответила Мая. Её супруг кивнул одобрительно головой.

– Значит так, пока его пичкали таблетками и он находился в состоянии покоя, с ним начал, по его словам, разговаривать Бог. Он пожаловался Мише, что на небесах его родителям не хватает внучек, так же он иногда называл их «прекрасными ангелочками» – совсем юные и непорочные.

– И что с ним будет дальше? – спросила Мая, сдерживая гримасу боли.

– А дальше его, вероятнее всего, признают невменяемым и отправят на принудительное лечение.

– А с санитарями? Что с санитарями будет? Они ответят за свою халатность?

– Скажу вам честно: санитары, что находились в том месте во время побега, уже там не работают с конца прошлого месяца. Как это обычно бывает, их уволили задним числом. Следовательно, мы не имеем права привлечь их к судебному делу.

Марк от злости ударил по деревянной тумбочке и напряг челюсть, от чего у него чуть разошлись швы.

– Я понимаю, – продолжил капитан, – что вам нельзя сейчас лишний раз нервничать, но и лгать я не собираюсь. Так что примите это так, как оно есть. Если мне станет что-либо известно, я вам сообщу, либо отправлю приглашительное письмо.

Затем сотрудник полиции выпрямился и поспешил покинуть больничную палату. Дыры, которые оставил капитан своим разговором, начали ужасно болеть и кровоточить. Информацию, которую они слышали, никак не удавалось переварить, а тем более принять. Абсурдность ситуации, момента! Выбравшись впервые за долгое время с дочкой, он столкнулся на одной улице с психопатом, который слышал слова «Господа».

– Ребята, дайте знать, когда вы будете готовы пройти в морг, – чуть ли не из-за двери сообщила медсестра.

Длинные и холодные коридоры больничного здания, вокруг много людей, обеспокоенных своими проблемами и болезнями; где-то вдали на руках у матери кричит ребёнок, которого безуспешно пытаются успокоить. В одном из таких коридоров наши герои идут за главным врачом больницы, с огромным напряжением в сердце, будто есть ещё надежда, что они зайдут в помещение морга, им покажут тело, и это тело не будет принадлежать их дочери. Это просто сон, кошмарный сон, а их малышка бегает где-то по городу и не может найти своих родителей и свой родной дом. Спускаясь вниз по лестнице, каждый из них думает, что такое не могло произойти. Точно не с ними, не с их ребёнком.

Вот он, момент истины, хотя какой истины – это загадка нашего мозга, для сохранения нашего разума. Когда он всячески отрицает ужасные события, пока его не поставят перёд фактом. Сотрудник морга выкатывает кушетку с накрытым телом и виднеющимися синими маленькими ножками с бирочкой на пальце. Сердце родителей замирает. Единственное, о чём они молят своего Бога в эту секунду, чтобы это оказалась не она.

– Вы готовы? – спрашивает главный врач.

– Нет, – отвечает Мая и на её глазах начинают наворачиваться слёзы.

Марк кивает и закрывает глаза.

Врач приспускает оголённое тело маленькой девочки по пояс. Крик срывается с уст матери. Истерические вопли разнеслись по всей больнице; вопли, пропитанные болью от верха до самого низа. Такие крики могут издавать только родители над телами своих юных детей. Марк, прижимая свою супругу к груди, тоже начал рыдать. Маленькое тело, что они увидели, было полностью в кровоподтёках, где-то опухшее, а где-то впалое.

– Она умерла от сильных переломов и разрыва жизненно важных органов, – отмечал врач.

Горе родителей может быть настолько сильным, что окажись они постарше лет на десять, у них могло не выдержать сердце или лопнуть кровеносный сосуд в головном мозге от повышенного давления. Но даже в возрасте от тридцати лет можно сойти с ума: именно поэтому наших героев в следующие минуты напоили успокоительным и они оба уснули на больничных койках.

На следующее утро к ним в палату снова зашёл главный врач и рассказал, что они могут забрать тело своей дочери в ближайшие дни. Им следует обратиться в похоронное бюро: заказать гроб, венки, забронировать место на кладбище; сходить к бабушке, чтобы он отпел тело их дочери. В такие моменты нужны близкие люди, которые смогу этим заняться.

– Здравствуйте, я бы хотел заказать на завтра гроб.

– Да, конечно. Какой размер?

На глазах отца навернулись слёзы. Он, стиснув зубы, по-

пытался собраться.

– Метр пятьдесят два.

В этот моменты эмоции взяли верх. Сердце, разбитое на миллионы осколков, пульсировало и отдавало болью в каждом отдельном осколке. По всему телу повисла тяжесть, будто он несёт на плечах сто килограмм чего-либо. Прошло уже три дня с момента гибели дочки, а боль только усиливалась, чувство вины о том, что он не смог уследить, беречь свою девочку, нарастало. Всё, что ему хотелось – умереть вместо неё.

– Я, конечно, извиняюсь, но какое дерево будете заказывать? – немного неловко задал вопрос продавец.

Он понимал суть происходящего, но это его бизнес, и чувствам тут явно не место, да и к тому же за мужчиной скопилось очередь.

Следующим этапом предстояло найти батюшку и заплатить ему денег, чтобы он завтра отпел их дочь. Поход в церковь всегда был чем-то загадочным, чувствовалось спокойствие и умиротворение, он не мог наверняка знать, с чем это связано, но некоторые мысли всё же наталкивали на истину. Вряд ли это было что-то духовное, божественное. Скорее всего, это тёплые воспоминания из детства, когда он с бабушкой приходил на все церковные праздники: было много людей, весёлая и в то же время очень ответственная атмосфера – нужно встать поближе к коридору из людей, чтобы священник попал на тебя и на твои продукты капельей святой

водой.

Глупо, конечно, считать, что вода, набранная из-под крана в церкви, обладает каким-либо священным духом, – скорее всего это эффект плацебо. Впрочем, кого это заботит. Праздник есть праздник.

– Здравствуйтесь, святой отец.

– Здравствуй, сын мой. Что случилось? Что тяготит твоё сердце?

Пытаясь в очередной раз не заплакать, Марк всё же собрался и рассказал, что произошло.

– Скажите, святой отец, как так получается, что маленький, невинный человечек погибает в столь юном возрасте? Она и так появилась на этот свет с большим трудом, и чем её наградил Бог? Смертью? Это вы называете милосердием?

– Я понимаю твою боль, но не стоит гневиться на Бога. Испытания которые он нам посылает, даются нам неспроста. Пройдя через них мы становимся гораздо лучше и сильнее. Испытания даются в этой жизни для того, чтобы мы могли пройти их с достоинством и мужеством, а по окончании принести в этот мир гораздо больше, чем мы могли себе представить. Всё, что я тебе хочу сказать, что в жизни ничего не происходит просто так, всё взаимосвязанно. Если что-то произошло, то это должно было произойти.

– То есть всё произошло так, как должно было быть? – с дрожью в голосе спросил Марк. Так почему же тогда виновный в этом событии не будет наказан по закону?

– Ты ведь понимаешь, что умирая, мы все оказываемся перед судом божьим, и там, на небесах, каждый ответит за свои поступки и ничто уже не сможет ему помочь.

– Завтра в девять часов, святой отец.

– Да, завтра в девять.

Прогуливаясь до дома, он не думал ни о чём; он просто брёл в надежде потеряться и забыться. Нестерпимая боль, которую он испытывал, начала доводить его до крайних мыслей. Марку не хотелось домой. Он понимал, что следует прийти и о чём-то разговаривать с женой, что-то делать. Ему хотелось побыть одному, навсегда остаться одному, чтобы всё переживания ушли, чтобы всё закончилось. Уйти туда, где его не смогут найти; уйти туда, где он сможет снова увидеть свою дочь.

– Всё происходит так, как должно было быть, – повторял про себя Марк.

Эта мысль всплыла, и он не понимал, как такое возможно. Произошедший диссонанс разрывал его на части и никак не осмыслялся.

Он пришёл в девятом часу вечера. Свет был везде выключен, что ж, видимо время спать – большой стресс сваливает с ног любого человека похлеще любой другой физической нагрузки.

Следующий день проходил крайне смутно. В семь часов утра они съездили в морг забрать тело, которое было уже в гробу и одето. Они ехали в машине со своей дочерью в по-

следний раз, смотря на её милое припудренное личико – такая кроха. Уже в восемь тридцать утра на кладбище собрались их немногочисленные родственники и друзья. Яму рыли местные мужики – грязная работа, но прибыльная, как ни крути. Каждый день кто-то умирает, да что там, каждую третью секунду в мире умирает один человек. Вот и сегодня на кладбище как минимум пять семей кого-то хоронят. Все люди в чёрной одежде, на женщинах чёрные платки. Ожидание батюшки. Девять часов утра – обряд отпевания начинается, родители видят своего ребёнка последний раз в своей жизни. Она подарила им шесть лет чудесной жизни. Они подходят к ней и нежно целуют её в щёки. Мия, взрываясь в истерике, прижимается к дочери и неистово рыдает. Марк пытается её оттащить – безуспешно. На помощь подходит его друг и уже вместе им удаётся оторвать её от гроба.

Мужики заколачивают крышку и медленно опускают гроб в яму; каждый гость подходит и кидает по горсти земли в память усопшей. После того как яма зарыта, люди подносят цветы. Далее следует застолье, где родственники и друзья поминают усопшую и проводят в последний путь, напиваясь вусмерть. Но Мия и Марк не пьют ни капли спиртного – нет ни желаний, ни сил. Они просто ждут, когда это всё закончится, практически не разговаривая.

– Я приму ванную, ты не против? – впервые за два дня Мая что-то сказала мужу.

– Да, конечно, любимая. Можно я тебя обниму?

– Давай не сейчас, – с грустным видом ответила супруга.77

– Хорошо.

Она заходит в ванную и набирает тёплую воду, прихватив с собой пачку антидепрессантов. Ванна полная; она выпивает полную пачку таблеток и ложится в тёплую ванну. В это время Марк подходит к окну восьмого этажа

– Всё, что происходит, – всё к лучшему, – он встаёт на подоконник и закуривает сигарету впервые за долгое время.

Она отвратительна, но в то же время прекрасна. Как же давно он не испытывал табачного насыщения. В голове лишь одна мысль: «Я иду к тебе, моя маленькая принцесса». Марк делая шаг в забвение, пролетая этажи спиной вниз. Последняя широкая улыбка на его лице похожа на последнюю затяжку: он отправляется за смертью с радостью, улыбкой и облегчением. В путь, где нет ни боли, ни страданий, ни грёз. Абсолютно ничего.

Глава II

Средний возраст: первый период

Афганистан, гора Ношак

По нашим расчётам в ауле, что находится в пятнадцати километрах восточнее нас, расположился отряд душманов. Обстановка в поселении будет выглядеть весьма миролюбив-

вой и спокойной. Как вы знаете, первое впечатление обманчиво, так что не стоит на него полагаться. Наша цель – зачистить этот аул, никто не должен остаться в живых. И использовать будем подствольные гранатомёты, для того чтобы охватывать большую территорию. На периметре аула быть максимально сосредоточенными – может возникнуть ситуация, когда по вам нанесут ответный огонь. Если будут обнаружены мирные, также наносим огонь. Как вы знаете, на войне погибают невинные, причём не в малых количествах. Но должен вас заверить, что гражданских, вероятнее всего, не будет: так сообщил нам наш информатор.

И самое главное – солдаты, вы должны помнить, что зависит только от вас, вернётесь вы с задания или нет. Выступаем завтра за полтора часа до рассвета.

– Лейтенант, разрешите задать вопрос?

– Слушаю.

– А вдруг всё же в ауле окажутся женщины и дети?

– Как я уже говорил, наш информатор заверил, что мирные жители покинули этот населённый пункт более чем пару месяцев назад. Больше никаких вопросов. И запомните хорошенько: невыполнение приказа рассматривается как преступление против своей страны, против своего народа и карается расстрелом на месте.

Афганистан, красивый горный дикий край,
Приказ простой – вставай, иди и умирай,

Но как же так, ведь на земле весна давно,
А сердце режет... мечты и горести полно.

Разливались слова солдат в одной из казарм песней жизни и правды, когда молодые ребята умирают на чужой территории, даже не понимая, за что они борются и за что умирают. Просто выполняют приказы вышестоящих чинов, как, собственно, и на любой другой войне. Спрашивают ли у них, хотят они воевать, хотят ли они убивать? Конечно же, нет. Если ты не хочешь воевать – значит ты преступник. Если ты не хочешь убивать во имя своей «великой» страны – конечно же ты преступник. Вот и получается два выбора: либо ты отправляешься в тюрьму, где явно не ждёт тебя ничего хорошего, либо отправляешься на войну, где, по сути, ты также находишься в тюрьме, но под другим соусом. Но в первом случае вряд ли ты захочешь кому-то хвастаться, что ты был в не столь отдалённых местах, а если же побывал на войне, убивал людей, получил награды и несерьёзное ранение, вот это повод похвастаться на любом застолье...

Солнце ещё не успело подняться над этими склонами. Солнце, которое нагревает воздух в середине дня до такой степени, что его невозможно вдохнуть. Ранее утро, пожалуй, лучшее время для того, чтобы произошло что-то ужасное. Безусловно, ранним утром присутствует своя романтика, тишина, покой, свежий запах росы и ещё прохладный воздух.

Двенадцать человек покидают свою казарму, для того чтобы совершить карательную операцию, о которой они ещё не подозревают. Для кого-то она станет последней, чью-то жизнь поменяет до неузнаваемости. После каждого задания люди приходят абсолютно другими; каждый оставляет кусочек себя там, где ему приходилось использовать оружие. Для кого-то эти изменения идут на пользу: оставляя крупинки себя, они освобождаются от эмоций и становятся идеальными солдатами. Для некоторых эти частички, оставленные там, куда они вероятнее всего не вернуться, являются большой утратой: теряя чувство целостности и покоя, навсегда обрекая себя на страдания.

Война – интересное событие. Люди, которые вечером радуются жизни, улыбаются и верят в светлое будущее, утром на следующий день отправляются отнимать жизни у других людей, и, что самое интересное, эти убийства вроде бы полностью оправданы. Без учёта, что человеческая жизнь бесценна. Война – всегда кроет за собой большое количество денег тем людям, которые никогда в ней не участвуют напрямую. Война всегда несёт за собой большое число смертей ради больших денег. В чём измеряется ценность в этой жизни, в этом мире? Явно не в человеческой жизни.

Ещё более интересным являются люди: ох, как их много, которые желают, чтобы в мире никогда не было войн, болезней и прочие славные явления. Некоторые желают этого искренне всей душой, а кто-то ради хорошего тона. И, без-

условно, это отличное желание при условии, если не задумываться о последствиях. В тот день, когда на планете Земля отгремит последнее оружие, закончатся войны и все перестанут болеть, так сказать «заживут счастливой жизнью», – в тот день начнётся конец всего человечества.

В спящий мирный аул ещё не успели прокрасться солнечные лучи, зато стремительно продвигался отряд из двенадцати солдат. Солнце не будет видно ещё около получаса, и создатель не сможет увидеть своё любимое представление – кровопролитие мирных и ни в чём не повинных людей. В такой ранний подъём ты сам ещё не до конца просыпаешься и вряд ли осознаёшь серьёзность того, что собираешься сделать, и какая ответственность возлагается на твои плечи. К сожалению, в наше время большинство людей не отдаёт себе отчёт, чем они занимаются в абсолютном бодрствовании и сознании. А бывает ли абсолютным сознание и есть ли люди, которые знают, что и для чего они делают? Вероятнее всего, нет – большинство рефлексируют на происходящее в их жизни, на то, что влияет на них непосредственно. Лишь малая доля думает, что знает о правильности своих поступков и, конечно, действуют исключительно в своих интересах. Зачастую случается так, что люди, знающие, что делать, занимают высокую должность, а с высокой должностью приходит и большая власть. На этом моменте они начинают делать то, чтобы набить побольше карман, невзирая на происходящее вокруг. Итого мы получаем: думающих людей у власти,

которые грабят страну, и стадо рефлекслирующих на выходы этой власти, переминая испражнения под своими же ногами.

Но шаг слышит первый выстрел из ручного гранатомёта. Отряд идёт вдоль единственной улицы и отправляет по одному снаряду в каждый дом. Снаряд залетает как к себе домой, весьма радостный и торжественный, чтобы каждый из членов семьи знал, что снаряд вернулся домой и жаждет обнять своими осколками всех. Особенно рад видеть тех, кто не желал с ним встречаться ранее. Замечая спящих детей и их мам в кроватях и на полу, он стремительно мчится во все стороны, чтобы после торжественного входа обнять тщательно каждого. Вот он увидел маленького мальчика, прижатого к какой-то самодельной игрушке, спящего и тихонько сопящего. Как же это мило. Боже, я очень хочу погладить его по головке, а затем пощекотать между рёбер, и никто не смеет помешать осколкам снаряда. Каждое прикосновение становится первым и последним в его жизни, но вот когда осколок не может достать до чего-то важного – сердечка или лёгких, – закрыть кому-нибудь глазки, его это очень расстраивает. Ведь его выпустили всего один раз и этот раз будет последний, так что он должен приласкать каждого.

Никакого сопротивления: обычная пешая прогулка со смертоносными последствиями. В голове нашего героя закрались сомнения: так вышло, что он шёл самым последним, замыкающим, и он мог оценить картину происходящего целиком. Что-то здесь явно не так. Дальние дома уже должны

были как-то отреагировать, а пока всё, что он слышал – стоны и крики детей и женщин.

Дойдя до края небольшого аула с ветхими домами, отряд замечает, как по прямой дороге убегают несколько женщин и около дюжины детей. Дети бегут в чём мать родила, и все они плачут, в то же время женщины подталкивают их сзади, чтобы те шевелились быстрее. У каждой на руках по паре маленьких детей.

Раздаётся очередь выстрелов в воздух, и небольшая кучка мирных жителей замирает. Отряд устремляется прямо на них.

– Командир, какого хрена? Это же девушки и дети! Ты хоть одного мужика-то видел? Ты отдаёшь себе отчёт, что ты делаешь?

– Закрой свой рот, солдат, и следуй моим приказам!

Пять девушек не старше тридцати лет отдали своих и не своих грудничков детям постарше, а сами встали стеной между солдатами, крича и умоляя что-то на своём языке.

– Солдаты, слушать мой приказ внимательно! Нас послали выполнить приказ государственной важности, и мы выполним его, чего бы нам это ни стоило. Итак, не оставлять никого в живых! Неподчинение приказу – смертный приговор! – он передёргивает затвор на автомате, ожидая, что солдаты последуют его примеру.

После этих слов у Фёдора замирает сердце, собственно, как и у всех солдат. У каждого начинает трясти руки – мо-

мент принятия или отказа – два исхода. Первый, при котором тебя убьют, либо второй – стать героем, но какой ценой? Герой без души – вряд ли эту историю кто-нибудь услышит, она уйдёт с ними в могилу.

Лишь у Фёдора, одного из самых молодых солдат, появляется в голове третий вариант: «а что если расстрелять своих товарищей, затем прострелить себе бедро и ползти в лагерь, объясняя штабу, что они встретили серьёзное сопротивление?»

Много ли тех людей, что готовы отдать свою жизнь за чужую? Убив своих товарищей, он так же оставит свою душу в этих местах. Жертвовать собой физически или ментально – сложный вопрос, который можно обсудить вечером за рюмкой водочки. Пожалуй, самым важным вопросом является то, за чью жизнь нужно отдать свою. Поэтому выбора как такого нет: вряд ли он планировал умирать сегодня вчерашним вечером.

Один за другим солдаты передёргивают затворы и наставляют стволы на мирных жителей: никто не жаждет начинать, каждый ждёт, что кто-то сделает это первым. Молодые девушки уже стоят на коленях и рыдают, выпрашивая помилования. Несколько секунд – и первая пуля от командира входит в голову мамочки этих детишек. Затем он кричит: «Огонь!» – и все солдаты нажимают на спусковой крючок, со слезами на глазах устраивая танец снарядов. Секунд двадцать и наступает полная тишина. Концерт окончен...

С опущенной головой солдаты возвращаются в лагерь. На сегодняшний день враг ликвидирован. Никто не говорит, так как каждый отвлечён на свои мысли, но отравила их в свои головы одно происшествие. Командир прервал тишину и общал своим товарищам, что не стоит никому рассказывать, что произошло этим днём.

– Для вашего же блага будет лучше, если закопанные тела останутся в земле, и никто о них не узнаёт. Иногда близких людей (а вы не сомневайтесь, в этот день вы стали намного ближе друг другу, чем с кем-либо), так вот, близких людей связывают совместные воспоминания, секреты и тайны. Сегодня вас связала одна страшная тайна, которую стоит забыть, и будет лучше для вас, если вы унесёте её в могилу, – как вдруг он командным тоном буквально проревел:

– Отряд, на месте стоять!

Послышался щелчок, и одного из солдат разрывает на части, а осколки принимают в свои объятия тех, до кого им удаётся добраться.

– А ты молодец, Федя. Федя, Федя, – можно было бы услышать слова снаряда.

И только потому, что Фёдор шёл первым и уже находился на пригорке, осколкам удалось погладить лишь его коленки. Крики и шок наполнили горную местность. Кому-то оторвало ногу, а кто-то остался на месте с осколком в голове. Но были и те счастливики, которых растяжка не достала. Те, что стояли за спинами своих товарищей. Благодаря целым

товарищам, им удалось добраться до лагеря, где их мгновенно отправили в госпиталь.

Операция у Феди заняла около тридцати минут; осколки из двух колен удалось удачно вытащить. Ещё четверым товарищам так же провели удачные операции. Пять человек не вернулось с этого задания, и как потом рассуждали остальные, наверное, это был удачный вариант. А те ребята, что остались целы, отправились заглушить свою боль спиртом, чтобы постараться забыть о том, что произошло этим ранним утром. Забегая вперёд, хочу сказать, что ни у одного это не выйдет.

– Доктор, у вас нет желания рассказать мне, почему мои колени синие? Из-за чего у меня невыносимая боль, да и к тому же я не могу пошевелить пальцами ног? Вы ведь сами говорили, что осколки извлечены успешно, и я быстро пойду на поправку, – очень обеспокоенно рассказывал Фёдор доктору.

– Я бы хотел попросить вас не нервничать, это сейчас излишне. По всей видимости, при удалении осколков из ваших колен, раны были некачественно обработаны, вследствие чего в них попали анаэробные бактерии с довольно небольшим инкубационным периодом, которых практически невозможно распознать заблаговременно.

– И что вы хотите этим сказать?

– Обычно медикаментозному лечению это не поддаётся и мы вырезаем мёртвые ткани, но так как омертвление проис-

ходит в коленях, способов удалить мёртвую ткань не представляется. Поэтому, чтобы не усугублять положение и не допустить заражение всего организма, мы вынуждены пойти на крайние меры и ампутировать вам ноги. Будем надеяться, чуть выше колен. Это уже будет зависеть от локации омертвления. И да – чем раньше мы начнём, тем больше удастся спасти. Я уж не говорю о возможном заражении крови.

Вряд ли можно представить, как вам сообщают, что сегодня вы лишитесь ног. То есть отныне вы никогда не сможете полноценно пройти рядом со своей любимой, со своим ребёнком, либо же просто выгулять собаку. И вряд ли человек в этот момент, услышав такие слова, может сам оценить, что произойдёт. Как правило, такие новости повергают в шок. Логичным ответом головного мозга послужит отрицание, паника, затем ещё раз отрицание и, в конце концов, смирение. Конечно, смирение приходит после операции, когда ничего уже не поделаешь. Да и после операции это приходит не сразу: сначала ты живёшь, чувствуя огромный дискомфорт, затем постепенно привыкаешь к нему, и уже жизнь начинает казаться проще и, вроде как, это было всегда с тобой. То, что у тебя отняли, никогда твоим не было.

Чтобы усугубить ситуацию ещё хуже, можно было отпустить в шуточной манере что-то вроде: «Зато вы скоро отправитесь домой. Не полностью конечно: часть вас останется навсегда в этих краях, но зато основная часть отправится домой, можете не переживать».

– Что-то мне подсказывает, что без ног мне уже не удастся воевать, – с сарказмом отметил Фёдор.

– Да, вы абсолютно правы. После того как вы немного оправитесь, вас отправят домой.

– Здорово, – без единой эмоции отрезал солдат.

Поезд. Звук дороги. Пролетающие перед взглядом пейзажи. Одно из немногих мест, когда ты можешь почувствовать себя безгранично свободным. Тебе ничего не остаётся, кроме как наблюдать за происходящим. Ты простой пассажир, направляющийся в один из отрезков пути. В эти часы можно позволить себе подумать о чём угодно и не беспокоиться, что тебе следует что-либо делать или о том, что кто-то отвлечёт тебя. Нет, в дороге ты принадлежишь только себе. В дороге ты не можешь ни на что повлиять. Как и наш герой едет к себе домой в свой родной город. Правда его голову занимают совсем другие мысли. Он находится в том смятенном состоянии, когда человек лишился чего-то и не может на это повлиять или вернуть. Сидя в инвалидной коляске, видя пролетающие хутора, он не знает, что будет дальше делать. Не удаётся даже предположить, как продолжится его судьба. Боль и чувство обиды – единственные чувства, которые он ощущает. Злость за то, что судьба так распорядилась, что он не может больше ходить. Ведь он простой человек, который честно жил, отдавал долг своей стране, безукоризненно выполнял все приказы, и за это он отправляется домой на инвалидной коляске, в страну, где жизнь для инвалидов совер-

шенно не подготовлена.

Долг? Долг стране за что? Просто из-за того, что он родился в этой стране? Или что он такого получил, чтобы быть должником своей стране? Ведь в этой стране бесплатно можно пользоваться только матом, чем он, безусловно, и пользовался всю свою жизнь. В конце концов, отдавая долг хрен пойми за что, он лишился ног и, вероятнее всего, обрекал себя на тяжёлую жизнь.

Он вспоминал людей, стоящих на паперти у рынков и в других людных местах, с протянутой рукой и опущенной головой. Ведь у них всегда всё плохо. Правда в том, что в этом мире у всех всегда всё плохо, но у этих особенно – есть вроде бы весомый повод для того, чтобы поныть.

Ему всегда было интересно, неужели для таких людей не находится работа, либо они настолько утонули в своём горе, что работа стала невмоготу. Теперь ему самому предстояло это узнать. В голову прокралась ещё одна беспокойная мысль: что он скажет своей матери, которая придёт встречать на вокзал? Как он оправдается? Ведь она ждёт здорового и целого героя, который воевал ради своей страны, а встретит калеку с парочкой медалей.

У него не хватило духа сказать это по телефону, и он не знал, что говорить при встрече. Он понимал, что она, вероятно, расплачется, а его сердце зажмёт тисками – от этого предстоящая встреча нависла тяжёлым грузом.

Около двух часов этого прекрасного осеннего вечера оста-

валось до встречи со своим самым любимым и родным человеком. В этот вечер также предстояло принести неизмеримую боль в его сердце. Голова начала кружиться, а в животе что-то скрутило, будто маленькие человечки стали закручивать кишки в его центр, а затем стали сжимать и сжимать их до такой степени, что его начало подташнивать. Меньше всего хочется в такой ситуации блевать себе под обрезанные ноги и привлекать лишнее внимание. В голове возникало слово культия, но оно ему чертовски не нравилось, – именно поэтому он размышлял, чем же возможно заменить его.

Пока что он не видел свои ноги после операции: во время смены бинтов он отворачивался либо закрывал глаза, каждый раз оттягивая этот момент. Складывалось чувство, что если он не видит своих шрамов, то их вовсе и нет, да и вообще у него всё в порядке с ногами, либо это такой дурной сон, стоит лишь чуть-чуть подождать – и ты проснёшься. Тем не менее предстояло посмотреть на свои ноги в новом облиции.

Он подъезжал к своему городу, в котором родился и прожил всю свою жизнь; даже воздух из окна переменялся, стал каким-то совершенно другим, каким-то родным, близким, вернувшим его в те времена, когда он не знал, что такое война, что воздух может быть каким-то другим. Каждый раз, покидая свой родной край, ты оставляешь свою душу, а по возвращению будто воссоединяешься с ней. Знакомые места, здания и люди – улыбка сама растёт на твоём лице. Естественно это связано с воспоминаниями, как и всё в нашей

жизни.

Почувствовав это тепло, Феде стало ещё горестнее. Ему хотелось остаться одному, чтобы его никто не тревожил, чтобы забыться и пропасть в бесконечности.

До конечной станции оставалось ещё пара остановок. Мысли о том, что эта конечная остановка станет для него последней, не покидали его ни на минуту. Ему удаётся доехать на коляске до выхода – возникает первое препятствие на его пути, с которым самостоятельно ему не справиться – просить о помощи, вот что предстояло, и так до конца жизни. Прощение помощи – его это слишком забеспокоило. Вариантов было не так уж и много: ему приходится просить мужчин, которые выходят из поезда. Конечно, все входят в положение и помогают ему спуститься: для них это просто доброжелательная услуга, но для него это выглядит оскорблением. Выезжая на перрон, он первым делом замечает свою мать, которая стоит и не может пошевелиться. Сжимая губы и напрягая глаза, – он не плакал уже сотню лет, но видя боль в глазах своей матери – удержаться становится практически невозможным. Он начинает толкать коляску к маме, пытаясь улыбнуться, сдерживая шквал эмоций охвативших его сознание. Шок, который поразил её мозг, ещё действовал и оставлял неподвижной. Лишь когда он подъехал совсем вплотную, она немного пришла в чувства, наклонилась и обняла сына со слезами на глазах.

Любому родителю больно видеть увечья своих детей, тем

более матери, которая родила на этот свет здорового и целого ребёнка. Они испытывают боль, чувствуя, какие мучения они приносят их детям. Смотреть, как суровая жизнь меняет их, как из маленьких детей сотворяет мужчин.

И не так уж просто в такие моменты сделать вид, что ты не расстроен и сказать своему чаду, что всё будет в порядке, что главное, что он жив, что всё в его жизни наладиться. Отчасти в этом есть правда, но некоторые события остаются с нами навсегда, возвращаясь в те моменты, когда совсем худо.

– Милый мой, я так по тебе скучала, слава богу, что ты добрался до дома живой, – она обняла его ещё сильнее.

От боли в сердце её разрывало так, что почти невозможно было терпеть и безумно хотелось закричать, но таких эмоций она не могла себе позволить.

– Мам, давай поедem домой, пожалуйста, – продолжая плакать ещё сильнее, ответил её мальчик.

Вдвоём не без малых усилий они усадили его на заднее сиденье такси, а коляску с сумкой уложили в багажник. Всю дорогу Фёдор молчал, лишившись эмоций на вокзале, наблюдая, как изменился его родной город за почти два года, и надо сказать, что изменений не было. Так, может быть посадили пару деревьев, где-то убрали бордюр, но в целом ничего кардинального.

Его мама уже пришла в себя, насколько это было возможно, и даже пыталась говорить с улыбкой; что-то рассказывала, лишь бы заполнить эту образующуюся бездну тишины,

настолько угнетающее её сознание.

– Вот мы и дома, родной.

От Фёдора не последовало ответа, но в этом никто не нуждался. Они пересадили его из такси на коляску. Гравийная дорога, что была под ним, как-то уж очень непривычно и неприятно ощущалась. Частный дом с небольшой летней кухонькой и туалетом на улице; вход в дом преграждали немногочисленные ступеньки, но тем не менее это была преграда, которую следовало как-то преодолевать.

– Сынок, давай я тебя сама занесу, а потом коляску?

– Прекрати, мам, я давно не маленький мальчик и способен, хоть и без ног, передвигаться.

Он самостоятельно слез с коляски, довольно неумело, так как опыта ещё не хватало, встав на культю. Его мгновенно пронзила острая боль от ног до макушки – довольно свежие швы напомнили о себе, словно припоминая: «Братец, если же ты хочешь, чтобы мы стали для тебя опорой, дай нам времени окрепнуть, а затем хоть мячик пинай». Терпя боль, скрипя зубами, он решил помочь себе и упёрся о землю ещё и руками. Со стороны он был похож на какого-то зверька. Развернувшись спиной к ступенькам, помогая себе руками, осторожно начал забираться: одна ступенька – руки, затем культя, вторая ступенька – руки, и так до победного.

Добравшись в зал он залез на огромный диван и разлёгся, как снежный ангел. Боль в ногах пульсировала, и если бы он мог увидеть, то заметил бы, как внизу на бинтах просо-

чила кровь: видимо рановато для того, чтобы передвигаться самостоятельно. Распластавшись на диване он взорвался в истерику. Услышав это, его мама тут же бросила приготовление чая и побежала к нему, крепко обняв и пытаясь успокоить, нежно покачивая его из стороны в сторону, приговаривая ласковые слова. Это заняло около получаса, и, выплакав все слёзы, он остановился, немного прихлёбывая ртом и попросив стаканчик воды. А затем, оставаясь в объятиях своей матери, уснул, и во сне постоянно что-то бормотал.

Почему он держался до дома и не проронил ни капли слёз вне его стен? Потому что дом, где мы выросли, является крепостью. Местом, где нас не сможет достать даже дьявол; местом, где при желании нас не удастся побеспокоить либо обидеть. Только в родном доме мы можем почувствовать себя детьми, поностальгировать и вспомнить, как было здорово в детстве, какие были прекрасные подростковые времена, как всё было беззаботно и просто.

Проснувшись примерно через несколько часов, только открыв глаза, он тут же принялся объяснять, что завтра ему следует отнести документы в больницу и начать оформление инвалидности, чтобы начали выдавать пенсию.

– Кстати, ты очень вовремя проснулся. Сейчас начнётся наша любимая передача. И пока ты спал, я пирожков напекла, сейчас заварю чаёк и можем вместе посмотреть, а? – с каким-то вроде энтузиазмом предложила его мама.

– Извини, мам, не сегодня. Что-то у меня нет настроения.

Я лучше полежу в своей комнате, подумаю о своём будущем.

Находясь в своей комнате ему удалось уснуть примерно через три часа, может быть и позже. Всё это время он, погружённый в свой разум, думал о том, что ему следует сделать и куда направиться.

На следующее утро, находясь в домашней обстановке, он проснулся, забыв о своём недуге, позабыв про отнятые ноги. Крепко потянувшись, зевнув и с мальчишеской улыбкой попытавшись встать на ноги, его ошпарило, будто кипятком, и он пришёл в себя, вспомнив, что у него отсутствуют конечности, отвечающие за передвижение. Тем не менее ступни и икры ужасно болели, с учётом, что их не было, но они болели. Этот недуг называют фантомными болями. С ним встречается каждый, кто лишился какой-либо части тела. Весьма ощутимая боль для ног, которых нет.

– Слушай, я тут подумала, – прервав сон Феди, поинтересовалась мама, – может мы ходим в церковь после того, как ты справишься со своими делами в больнице? Отец Михаил часто спрашивал о том, как ты поживаешь, и, думаю, он будет очень рад увидеть тебя. К тому же сколько ты у него не появлялся? Лет десять точно будет, а может и больше. Он ведь помнит тебя совсем ещё мальчишкой. Раньше ты любил к нему ходить, м-м-м?

– Мам, ты ведь знаешь, что я не верю в Бога и вряд ли это изменится в ближайшем будущем.

– Не верит он. Видишь к чему привела твоя не вера? Лад-

но, сейчас не об этом. Может всё-таки сходишь? На душе хоть капельку станет легче.

– То есть, по-твоему, именно Бог отобрал у меня ноги? Не металлические снаряды этих чурок, а Бог вонзил мне их в ноги? Или Бог приказал им расставить растяжки, чтобы они поубивали нас? Так, по-твоему? Тебе не кажется, мама, что твой Бог немного жестковат?

– Я прошу сделать тебя это ради меня. Не для себя сходи, а для меня, чтобы мне стало спокойнее.

– Я подумаю, когда буду занят своими делами. А пока можно мне тебя попросить помочь встать и умыться? Мне ещё сложно опираться на культю.

– Да, конечно.

Проезжая по гравийной дороге на коляске, чувствуя каждый камешек, который создаёт тряску и причиняет ему боль, он встречает проходящих мимо него людей и краем глаза цепляет их взгляды, как они искоса пялятся на него. И от этого на душе будто кошки скребут и становится крайне беспокойно. Он понимал из-за чего так происходит, но искренне желал избавиться от этого, хотя сам знал, что это только начало. Каждый раз, когда замечаешь у какого-нибудь человека дефект, глаз так и просится поглазеть на него. Конечно, из-за своего воспитания мы понимаем, что это неприлично – тарашиться на человека, тем более на его увечье, но этот чёртов глаз так и просит хоть краешком взгляда, хоть на пару мгновений взглянуть на дефект.

Ещё около десятка жалеющих глаз встретилось ему на пути, прежде чем он добрался до назначенного объекта. Уже в процедурном кабинете ему начали сменять бинты, и он впервые отважился взглянуть на то, во что превратились его ноги, а точнее то, что же с ними стало. Отрезанные чуть выше колена и будто натянутые к центру края кожи были небрежно сшиты ниткой. Таких огромных швов, которые он увидел в висящем зеркале напротив, ему не доводилось ещё встречать в своей жизни. Чувства, когда ты видишь, что из тебя сделали неполноценного человека, которые он испытал, крайне сложно передать словами.

Боль, смятение, обида, ненависть, жалость к самому себе, и всё это вперемешку. Можно ли было из неполноценного сделать что-то другое? Он не знал. Можно ли было принять и сделать это своей особенностью? Пока что ему не виделось такой возможности. Принятие себя таким, какой ты есть, даётся не сразу – для этого требуется время.

– В целом швы заживают неплохо, не гноятся, немного подтекают. М-м-м... на ноги случайно не оказывалось давление?

– Да представляете, случайно оказывалось. Я встал на них.

– Попрошу вас этого впредь не совершать, хотя бы ближайшие пару месяцев. Вашим ранам требуется покой, чтобы они не текли и спокойно зарастали, тогда и боли утихнут.

– Я постараюсь.

– Что ж, в ближайшее время мы займёмся оформлением

вашей инвалидности.

– Благодарю.

Выезжая из кабинета, он собирает все взгляды присутствующих в этом длинном коридоре. Неужели всем так интересно пялиться на меня? Неужто я настолько сильно теперь отличаюсь от всех остальных, что все готовы удостоить меня своим драгоценным вниманием? Не припоминаю, смотрел ли я на людей, которые выезжали на коляске. Вероятнее всего, да, как-то вскользь, чтобы они не заметили. Вот только теперь в голову приходит мысль, что все всегда замечали. Стало даже стыдно за своё поведение, но что уж теперь поделать. Что было, то прошло.

Раздумья на тему о том, как это могло произойти с ним, не давали покоя. Шок всё ещё присутствовал в нём, не настолько бросающийся глазу, но тем не менее заметный, если присмотреться. Пожалуй, каждый думает, прочитав в газете или увидев на улице людей без конечностей, что такое уж точно произойдёт не с ним, а в момент, когда такое происходит, никак не может в это поверить и осознать, что произошло, и в какой момент всё пошло наперекосяк.

– Ну что там в больнице? Сказали что-нибудь?

– Всё нормально, мам, – ответил Фёдор, прекрасно понимая, что это не так. Вряд ли уже что-нибудь будет нормально.

– Ты подумал о моей просьбе? Сходим в церковь?

– Я не могу ходить, если ты не заметила. Называй, пожалуйста, всё своими именами.

– Хорошо, если тебе будет так легче, прокатимся до храма и пообщаемся с батюшкой.

– Если ты действительно в этом нуждаешься, тогда давай наведемся к святому отцу.

Осень уже почти полностью расцвела своей палитрой красок, которые восхищали насыщенностью и разнообразностью. Довольно приятное время: после знойных жарких летних дней оказаться в прохладной осени, когда лёгкий ветерок щекочет твоё лицо, а солнце не так яростно греет земной шар. Где-то на горизонте зависли серые тучи, напоминающие каких-то зверушек, а может быть и маленьких ангелочков, тут уж у кого на что фантазии хватает.

Наши главные герои отправились в церковь и готовились к непростому диалогу. Одна считала, что этот разговор приведёт сына на путь истинный, второй же в свою очередь решительно был настроен на ссору, считая, что разговор с этими «псевдосвятыми» – пустая и бессмысленная болтовня.

– Федь, а ты не хочешь поделиться со мной, если тебе это не сложно, что произошло на войне? Как ты потерял свои ноги?

– Мам, давай не сейчас, мне пока что не очень приятно говорить на эту тему. Дай мне ещё времени и как-нибудь я тебе обязательно расскажу, как это случилось.

– Конечно. А ты людей убивал? – перепрыгивала Наталья Андреевна с одного острого вопроса на другой. Она задавала такие вопросы не оттого, что ей хотелось сделать больно

своему сыну, а скорее от простодушия, глупости, если можно так выразиться.

– Ты ведь знаешь, что я служил радистом. У меня кроме убийства времени более ни на что не было. Большую часть службы я провёл в окопе в обнимку с радиоустановкой.

Как часто мы обманываем своих родителей? Скорее, по мере необходимости, в тех случаях, когда нам кажется, что это ложь во благо. Отчасти так оно и есть. Врать, чтобы сохранить спокойствие душ наших близких и не возлагать на их плечи груз, который следует нести только нам. Но в душе всё равно остаётся осадок, оттого что ты обманываешь своего родного человека. Наши болезни, нехватка денег, проблемы в семье, на работе – вряд ли стоит упоминать об этом своим родителям, потому что они как никто другой переживают за наши судьбы и желают, чтобы мы были счастливы. И лишний раз тревожить их повседневными тревогами не имеет нужды.

Получилось так, что весь остальной путь они провели молча, и лишь изредка мать пыталась рассказать и показать, что в городе появилось нового.

– Погоди немного, я завяжу платок на голове, а после мы зайдём в храм и возможно ещё застанем часть молитвы. Мне очень нравится, когда отец Михаил читает молитву: у него это выходит, как ни у кого другого.

Голову Фёдора, заняли мысли о попрошайках, сидящих у ворот, которые они не так давно миновали. У кого-то был

попросту неопрятный вид, у кого-то не хватало конечностей; они сидели в своём же дерьме и от них ужасно несло этим дерьмом на приличном расстоянии. Больше всего ему не хотелось закончить так же – с протянутой рукой где-то в переходе. Он рассчитывал на то, что сможет найти себе хоть какую-нибудь работёнку.

Войдя в храм, он почувствовал знакомый с детства сладкий запах свеч, мягкую расслабляющую музыку и нежные голоса: будто ангелы спустились с небес, чтобы подарить свой божественный голос простым смертным. Множество икон и расписные стены внутри церкви – вот что делает это место святым, и, само собой, люди, возводящие эти места к святым. По факту это обычные атрибуты. Так скажем, цирковой шатёр делает помещение цирковым, дрессированные животные и костюмы клоунов.

– Отец Михаил сейчас подойдёт к вам, – буквально через несколько секунд батюшка прибыл на место, где находились Наталья и её сын Фёдор.

– Здравствуйте, Наталья. Здравствуй, Фёдор, – лицо священника тут же изменилось, хотя он и пытался это скрыть, когда он увидел отсутствие ног.

Чувства горя и жалости наполнили его душу. От того юнца, которого он помнил молодого с чистыми и ясными глазами, белоснежной улыбкой и пухлыми щёчками, не осталось и следа.

– Добрый день, отец Михаил.

– Я смотрю, тебе пришлось нелегко на войне, сын мой. Она отняла у тебя ноги и часть души. Надеюсь, ты не стал изливать гнев Господа?

– Вас интересует только это? То есть вас не смущает, что я был на войне и, возможно, убивал других людей?

– Сынок! – попыталась прервать его Наталья.

– Мама, не сейчас!

– Совершенно не смущает. Ты отдавал долг своей стране и своему народу. Это правое дело.

– Правое дело убивать других людей?

– Послушай меня, сынок. Нам дано выбирать свой путь, а Бог может лишь помочь нам следовать этому пути. Периодически он посылает нам испытания, дабы мы могли преодолеть их и увидеть, что нас ждёт что-то большее, что-то светлое и чистое. Как говорил мне один мой товарищ: «Соблазн сдаться будет особо велик перед выигрышем». То, что Господь забрал у тебя ноги, может быть возможностью переосмыслить свой путь, чтобы понять, не свернул ли ты с верного.

– Какой ещё, нахрен, выигрыш? Я вам говорю в лицо, что я убивал людей! А вы мне задвигаете за какой-то урок!

– Я ещё раз скажу тебе: что правильно, а что нет – выбирать не тебе, а Господу. И то, что он преподносит, может подсказать тебе, правильно ты идёшь или же нет.

– Вы хотите сказать, что это урок от Бога? Что больше не было способа объяснить мне, что я не на правильном пути?

Вы это хотите сказать?

– Я хочу сказать, что пути Господа неисповедимы, и те уроки, что он нам преподносит, мы должны принять как должное. Ибо в этом мире всё, что ни делается, – делается к лучшему. И ни в коем случае не следует здесь искать виновных, потому что ты не сможешь их отыскать. Прими это как должное, смирись, и ты сможешь почувствовать себя свободнее, независимым от чьего-то мнения или слова. И никогда не жалея себя. Попробуй отыскать свой новый, истинный путь, и твоя жизнь заиграет совершенно новыми красками.

– Поехали, мам, что-то я устал уже сегодня. Всего доброго, отец Михаил.

– И вам всего доброго. Приходите к нам почаще.

– Обязательно! – успела сказать Наталья вслед уходящему священнику.

– Ну что, теперь ты довольна тем, как мы пообщались? Теперь ты не будешь меня терроризировать по этому поводу?

– Ты слишком всё драматизируешь, и, вообще, мне не совсем ясна твоя реакция.

– А как мне нужно было реагировать? Мол, у меня всё отлично, мне отрезали две ноги, но я не отчаиваюсь, ведь впереди меня ждёт только лучшее? Так, по-твоему, я должен был вести себя?

– Вот я о чём и говорю. Ты лезешь из крайности в крайность. Лучше бы внимательно послушал, что говорит тебе

мудрый человек.

– Ну да, как же. Всё, что ни делается, – всё к лучшему. Наверное, мне стоит запомнить это на всю оставшуюся жизнь...

Эта напряжённая атмосфера между сыном и мамой завели их разговор в тупик, и, казалось бы, более не о чем говорить, но как обычно случалось в их семье, молчание прервала женщина, которая являлась главой в их небольшом семействе.

– Ладно, закроем эту тему. Ты не хочешь завтра съездить со мной на рынок? Заодно поможешь мне донести сумки. Чуть-чуть развеемся от этой обстановки.

– Знаешь, у меня есть желание побыть одному и немного поразмыслить над тем, что произошло сегодня.

– Хорошо, только прошу тебя не замыкаться в себе. Правильно ведь сказал святой отец: на мир можно взглянуть под другим углом и то прекрасное, что тебе не удавалось увидеть до этого, сможет проясниться. Попробуй отыскать что-нибудь, что принесёт тебе небольшую радость.

– Угу, я постараюсь.

– Знаешь, я тут дядю Колю попросила помочь тебе попасть в дом. Надеюсь, ты не будешь противиться этому?

– Мам, это крайне унижительно, тебе так не кажется? Звать человека не из нашей семьи?

– Послушай, но тебе ведь больно передвигаться самому, и к тому же это будет один раз, если ты решишь воспротивиться. Я бы не сказала, что он не из нашей семьи: пока ты был на

войне, дядя Коля очень помогал мне с домашними делами.

Тяжело вздохнув, как бы этого не хотелось Феде, он был вынужден согласиться – понимал, что самому это сделать невозможно, а у матери не хватит сил.

– Ладно, давай попробуем.

Дядя Коля, довольно сильный и крупный мужчина, взял под мышку Фёдора. В эту минуту он почувствовал себя максимально ничтожным. Единственное, чего он возжелал, чтобы этого никто не увидел.

– Большое спасибо, Николай, – сказала Наталья. – Что бы мы без вас делали. Не желаете попить с нами чая? У нас и ватрушки имеются.

– Отчего же не попить, тем более от ватрушек я отказываться не умею, – с улыбкой на лице ответил Николай.

Слышалось в этом диалоге и нечто похожее на флирт, от которого Фёдору стало противно.

Наталья Прокофьевна уже десять лет жила одна с сыном. Её муж и отец Феде погиб на работе. Нарушение техники безопасности, как впоследствии передали их семье. Андрей Владимирович, отец Феде, работал на металлургическом заводе на валковом станке. Придя на работу после хорошей пьянки, сонный и даже потерянный, он забыл отпустить лист металла и его руку затянуло в станок, а затем и всё тело. По туловищу будто прошёлся асфальтоукладчик. Спасти его было невозможно: пройдя через станок, он вышел мешком с переломанными костями и органами. Во время похорон

крышка гроба была закрыта, так как косметический ремонт тела был невозможен. С тех самых пор в семье забыли про слово «счастье»: мать была вынуждена трудиться на нескольких работах, чтобы прокормить и одеть своего сына, а Фёдор уже в пятнадцать лет начал зарабатывать небольшие деньги, от которых зачастую ему не оставалось и гроша.

Впервые за многие годы Наталье приглянулся мужчина, появился интерес, и её женское либидо вновь пришло в норму после длительного застоя. Она оказывала внимание Николаю, а он в свою очередь с удовольствием принимал его. Он не был богатым или зажиточным человеком: обычный работающий мужик с небольшим спектром запросов. Но его отличала широкая душа и дружелюбие. Ни разу за то время, что они общались, он не жаловался на свою жизнь, на то, что у него маленькая зарплата, чего-то не хватает, – нет. Он был доволен тем, что имел и строил небольшие оптимистические планы на будущее. За эти качества она и полюбила Николая Андреевича.

Федя отказался от чая, сославшись на не самое лучшее самочувствие, и попросил помощи, чтобы добраться до кровати. Разные мысли приходили в его голову, пока в соседней комнате Наталья флиртовала с Николаем. Но это совершенно не беспокоило его. Основная часть мыслей была о его будущем. Самоубийство – как вариант, но ему не хотелось совершать это из-за одного человека; он не мог себе позволить такую роскошь, чтобы причинить столько боли, прекрасно

понимая, что жизнь его матери будет окончена навсегда.

Мысли о его будущем – чем он сможет заниматься, находясь в своём не очень-то выигрышном положении? Спорт? Навряд ли в его небольшом городке есть секции для инвалидов. «В нашем-то городе секций для здоровых людей не хватает, куда уж для инвалидов. Пойти работать? Да кому нужны такие работнички? Пенсии наверняка не хватит для того, чтобы спокойно прожить, хотя мне не нужно многого для счастья. Выпрашивать милостыню? Сомневаюсь, что это хороший вариант» – слишком большая гордыня помешает ему этим заниматься. В голову начали приходить ироничные мысли: «Может, одеться в военную униформу, взять гитару и распевать песенки возле какого-нибудь входа на рынок или на вокзале», – ха, это уже перебор, думал он теперь. «А может мне стоит начать писать книги? Стоп, это уже явно полный бред».

Под эти занимательные мысли он погрузился в глубокий сон и уже поздней ночью, около четырёх часов утра, проснувшись от сильной боли в ступнях, он в очередной раз начал чувствовать их. На какой-то момент появилось чувство радости: быть может, наконец-то закончился этот дурной сон и его ноги при нём, целёхоньки и не тронуты.

Вернувшись в реальность он попытался согнуть колено – у нег выходит это сделать. Счастливый он хватается рукой за свою ногу, и – ничего там нет. В очередной раз он почувствовал боль и тоску по тем временам, когда у него были но-

ги. «Как это возможно? Я ведь чувствую боль».

– Ма-а-ам, мама!

Будто кипятком ошпаренная мать залетает в комнату, не успев до конца открыть сонные глаза, с ужасом и паникой спрашивает, в чём дело.

– Извини, если я тебя напугал, просто у меня очень разболелась нога и мне нужны мои таблетки, а самому мне не удаётся до них добраться. Нужно будет утром продумать этот момент и, наверное, на ночь оставлять таблетки на подоконнике с водой, чтобы я мог без проблем, не тревожа тебя воспользоваться ими.

– Да, конечно, дорогой, минуточку, – выйдя за дверь, глубоко выдохнув, она отправилась за стаканом воды.

Вроде бы ничего не случилось, но тревога на душе осталась. В этот момент её сын размышлял, насколько жесток мир, если, отняв его ноги, он напоминает об этом каждый раз через боль, чтобы не забыть о потере. Он пытался не заикливаться на их отсутствии, но эти фантомные боли каждый раз возвращались и не давали забыть об утрате.

Утро добрым не бывает – и вряд ли оно может быть добрым, если началось в восемь часов до полудня. Но как ни пытался Фёдор заснуть в очередной раз, ему это не удавалось. «Что ж, следует сегодня немного развеяться и если получится отвлечься. Утренняя прогулка вряд ли будет плохой идеей. Сходить и насладиться знакомыми и любимыми местами – вполне неплохо», – думал он.

Приведя себя немного в порядок не без помощи матери, он отправился на прогулку местам своей былой славы. Конечно, в городе особо не разгуляешься, и виной тому было небольшое количество территорий, куда можно без проблем попасть на инвалидной коляске. Одним из таких мест являлся небольшой городской парк с парочкой кафе, где можно купить не такой уж и скверный кофе.

Направляясь в парк, он старался не замечать пристальные взгляды прохожих. Теперь это стало неотъемлемой частью его жизнью. «Что ж, буду думать, что я суперзвезда, и каждый желает получить автограф от меня или хотя бы полюбоваться мной», – рассуждал Фёдор, как вдруг на главной площади (вряд ли это место можно было назвать площадью, скажем, площадочка, небольшая, но тем не менее площад-ка) он замечает одно знакомое ему с детства лицо, вернее, со школы. Чуть ли не выпадая из коляски, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, до него долетают возгласы его имени. Оставалось единственное – игнорировать, – но это будет весьма неприлично.

– Федька, это ты что ли? Господи, что с тобой произошло?

– Привет, Кристина. Да вот знаешь, шёл, потерял сознание, очнулся – ног уже и нет. С кем не бывает, – с нехарактерным для него чувством юмора произнёс Фёдор. Ответ обескуражил его одноклассницу. – А как твои дела идут? – спросил он абсолютно без интереса.

Ему не очень хотелось продолжать диалог, но ради при-

личия пришлось это сделать. Тут же появилось какое-то гло-
жащее чувство то ли неполноценности, то ли неудобства, и
даже немного стыда за своё нынешнее положение.

– Слушай, тыщу лет тебя не видела и не слышала. А по
правде, что произошло? – не поняв ироничного ответа и то-
го, что ему не очень-то хочется продолжать разговор, она на-
стояла на своём.

– На войне с людьми приключаются различные неприят-
ности, как видишь. Знаешь, мне неприятно вспоминать об
этом.

– Понятно, – ничуть не смутившись, она продолжила и
вспомнила про знакомого, решив, так сказать, подбодрить
своего одноклассника. – Ты, главное, не расстраивайся, ведь
жизнь на этом не заканчивается. У меня есть знакомый, у
которого нет ноги, но у него и семья и дети, да и вообще он
счастлив. Так что ты это, ну сам понимаешь...

– Да, спасибо. Как там наши проживают? С кем-нибудь ви-
делась?

– А... потихоньку, живут себе, работают, ничего интерес-
ного. А ты чем думаешь дальше заниматься? Какие планы?

– Я пока ещё не совсем знаю, чем буду заниматься. У тебя
случайно нет никого, кому нужны на работу такие, как я?

– Да вроде нет. Знаешь, я, конечно, поспрашиваю, но не
уверена. В наше время здоровых мужиков не хватает, а та-
кие... Ой, извини, что-то я задумалась.

– Тогда сам что-нибудь придумаю. Всего доброго, а то я

немного вроде как спешу, мне тут нужно переговорить кое с кем.

– А тебе в какую сторону? Может нам с тобой по пути? – не желала заканчивать разговор его собеседница, ведь не так уж и много инфоповодов в их небольшом городке, а тут что-то новенькое.

Вряд ли кому-нибудь хочется представлять перед своими одноклассниками в плохом свете, либо в то время, когда у тебя что-то пошло не так. Нет...

Мы всегда стремимся показаться лучше, показать, что мы имеем и чего добились, а уж тем более пред своими давними знакомыми. Никто не хочет говорить, что погряз в своей никчёмной жизни, ничего не смог добиться и сидит в том же лягушатнике, да и в целом этому рад. Тем более под бутылку водочки жизнь приобретает совсем другой окрас.

Нет... Машины, красивая жена, путешествия, статус, деньги – вот чем большинству хочется похвастаться, дабы увидеть завистливые глаза неудачников.

Так и наш герой чувствовал себя неудачником, который не то чтобы преуспел в этой жизни, так ещё и растерял свои конечности.

– Знаешь, вряд ли нам в одну сторону, я планировал пройтись в раздумьях.

– Если ты решил ПРОЙТИСЬ, то иди – не очень-то и хотелось, – не без доли сарказма и обиды ответила ему одноклассница.

Немалое облегчение ему удалось почувствовать, когда собеседница покинула его зону комфорта.

– «Мда... Надо же было наткнуться на эту стерву в тот день, когда я решил спокойно прогуляться. Да и настроение гулять куда-то пропало, наверное, пора закругляться и идти домой», – заключил Фёдор.

В очередной раз погрузившись в себя, уже действительно не замечая прохожих, он катил с небольшой горки, не давая коляске сильно разогнаться и думал, что происходящее в его жизни как-то неправильно. В чём же он так сильно провинился? Конечно, некий ответ был на его руках: он вспомнил то утро, когда он взрывал женщин и детей. Он понимал, насколько ужасно то, что сделал, но ему тем не менее казалось несправедливым такое наказание: «Ведь я просто выполнял приказ. На войне либо ты, либо тебя». Всё очень просто на первый взгляд.

В таких раздумьях его резко оттягивают назад с дороги и перед его коляской пролетает машина.

– Молодой человек, вы что творите? Жить надоело?

– Извините, я немного задумался, – начал было оправдываться Фёдор, а затем решил, что это лишнее.

– Будьте повнимательнее, пожалуйста, а то так можно и с жизнью попрощаться.

– Угу, спасибо большое. Всего вам доброго.

После этого последовала нелепая сцена, которая продолжалась ещё секунд сорок, пока не загорелся зелёный свето-

фор. Инцидент обсудили, все всё поняли, но идти им следует в одну сторону. И вот она, неловкая пауза, в которой прослеживается напряжение, и вряд ли стоит продолжить беседу с незнакомым человеком и узнавать его мнение о сегодняшней погоде. Это неловкое молчание длится ровно столько, пока не загорится зелёный свет. А при сигнале можно спокойно выдохнуть и расслабиться. А потом забавно вспоминать, что вы, как два идиота, стараетесь не встретиться взглядом со своим неожиданным собеседником.

Уже подъезжая к дому, Фёдор остановился и подумал о том, чтобы прогуляться ещё немного, но тут же вспомнил о неприятной встрече с человеком из прошлой жизни и не захотел повторять этот опыт. Пожалуй, прогулки стоит отложить на вечер. Лучше подышать ночным городом, когда будет поменьше народа, а следовательно и меньше поднятой пыли. Вероятность встретить кого-либо знакомого будет намного меньше, думал он.

– О, ты уже вернулся! А я вот только с базара пришла. Накупила столько, что еле-еле донесла пакеты. Хорошо, что мимо проходил дядя Коля и любезно помог мне их донести. И знаешь, мне бы хотелось, чтобы в следующий раз ты пошёл со мной и помог мне.

– Как-то часто я стал слышать про этого дядю Колю. Что у вас с ним?

– Да нет, что ты, сынок, он просто хороший друг.

– Я ведь не против него, мам, он мужик вроде порядоч-

ный. Если тебе он приятен, то почему бы и нет. Ты довольно давно одна, я думаю, папа был бы не против, если бы ты попробовала начать отношения с кем-нибудь другим.

– Перестань. Лучше скажи, как ты прогулялся, чего нового увидел?

– Всё по-старому. Ты ведь и сама знаешь, что ничего толком не изменилось.

– Никого из знакомых не встретил?

– Нет. Просто спокойно прогулялся.

– Ну и хорошо. Что дальше делать будешь?

– Я думаю, пока что посмотрю телевизор, а вечером прогуляюсь ещё. Хочу насладиться тишиной.

– Отличная идея. Может я с тобой пройдусь?

– Я же сказал, мам, что мне хочется насладиться тишиной в одиночестве.

Как лучше всего сжечь время? Телевизор, как вариант, но довольно быстро скатывающий тебя на дно умственного развития. Книга – весьма неплохой вариант, но если ты увлекаешься одними романами, это далеко тебя не продвинет. Игры – ещё одна отличная вещь, которая помогает убить время. Но разумно ли убивать своё драгоценное время, с учётом, что нам его отведено не так уж и много. Каждый свободен выбирать, как он желает уничтожить своё свободное время, главное, чтобы вы не жалели, что оно ушло зря.

Немного задремав, он проснулся с ощущением разбитости: то чувство, когда ты точно знаешь, что засыпать не сле-

довало, но ты уснул. Желания куда-либо выходить уже не имелось, поэтому он решил остаться на диване и продолжить смотреть телевизор, а уже завтра вечером отправиться на прогулку.

– Сынуля, – донеслось из коридора.

Федя услышал голос матери.

– Да мам?

– Ну что? Когда ты собираешься пойти гулять?

– Ой, знаешь, я тут подумал... наверное, не сегодня.

Немного взгрустнув и опустив глаза, борясь с нежеланием обидеть сына, она всё-таки решилась сказать.

– Что ж, скоро придёт дядя Коля. Я, наверное, скажу ему, чтобы зашёл в следующий раз.

– Ладно, ладно. Не надо ничего говорить. Я сейчас умоюсь и пойду погуляю. Хорошо?

Тут же у неё появился блеск в глазах и небольшая улыбка на лице.

– Спасибо, мой милый.

Солнце уже начало заходить на запад, и наш герой отправляется, как станет ему известно в ближайшие часы, в непростой путь. Он медленно катился по гравийной дороге с многочисленными домами вокруг, как вдруг за спиной в пятидесяти метрах от него остановился небольшой джип, который он почти не расслышал. Из машины вышли двое рослых мужчин и стали двигаться в его направлении.

Фёдор смог заметить их лишь тогда, когда один мужчина

схватился за спинку инвалидной коляски сзади.

– Добрый вечер, молодой человек, – с широкой белоснежной улыбкой поздоровался один из здоровяков.

– И вам не хворать, ребят. Что-то случилось? У меня ничего ценного нет. Вообще ничего нет, если быть точным.

– Есть у тебя ценное или нет – нам виднее. Но ты не беспокойся, мы сейчас прокатимся, а потом ты поедешь спокойно по своим делам.

Не успев ничего противопоставить, Фёдор и двое мужчин направились в обратную сторону, по направлению к машине.

– А если я не хочу ехать с вами и закричу?

– Слушай, давай по-нормальному. Спокойно поговорим в машине, а там уже всё порешаем. Ты ведь не хочешь лишиться ещё чего-нибудь кроме ног, не так ли?

Они закинули Фёдора на заднее сиденье. Один из мужчин сёл рядом. Коляску откинули в кусты, что шли вдоль дороги. На просьбу взять коляску они заверили, что с ней ничего не случится: они вернут его на место и усадят в неё обратно.

–Смотри, браток, какое дело. У нас тут возникла одна интересная, можно сказать, безумная, но возбуждающая идея. Не буду ходить вокруг да около и спрошу как оно есть. Как ты относишься к сексу втроём?

У Феди оборвало дыхание. Находясь в шоке от происходящего, он не понял суть вопроса.

– Чего-чего? Я не расслышал...

– С-е-к-с в т-р-о-ё-м, – по буквам повторил рядом сидя-

щий мужчина.

– А... да, я слышал про такое. Если будет две девушки, то может быть, – включил на мгновение дурачка Фёдор.

– А-а-а. Нет, братец. Втроём – я имею в виду тебя, себя и моего друга. Сечёшь?

И уже в этот момент у ребят, что похитили Фёдора, начали привставать члены. Кровь забурлила по венам, и возбуждение росло с каждой секундой.

– Ты ведь не против, земляк? – слегка возбуждённым голосом задал вопрос парень, сидевший у руля.

– Э... ребят, вы ведь, наверное, шутите? А? Я не из этих и никогда мне это не было интересно. А? Бросьте вы это дело, высадите меня, и я просто забуду о том, что слышал и никому никогда не скажу.

– Ладно, это даже больше подогревает интерес.

Ребята начали переговариваться между собой, периодически поглядывая на калеку.

– Знаешь, мне хотелось, чтобы он был против и может быть начал сопротивляться, – подняв левую бровь один из них посмотрел на Фёдора.

– Что ж, у тебя есть два варианта: расслабиться и получить удовольствие либо получить пиздюлей, а затем удовольствие достанется только нам. Ты волен сам выбирать – мы люди честные и уважаем любой выбор.

– Мужики, ну вы чего? Я ведь воевал, ноги свои отдал за страну. А вы что удумали, изнасиловать меня?

– Слышь, солдатик, у нас разговор короткий. Ты кровь за Родину проливал и в рот возьмёшь за Родину. Ничего, потерпишь, Родина ждёт от тебя этого, поверь. Можно сказать, нуждается в тебе, – на этом моменте мужчина, сидящий рядом, поднял указательный палец вверх и начал трясти рукой.

– Мы можем с тобой в приказном тоне разговаривать, если тебе будет проще. Ты ведь к приказам привык? А?

– Солдат, смирно-о-о! Разворот на сто восемьдесят градусов, раз-два! Упор раком при-и-и-нять! Ха-ха-ха! – это повеселило обоих мужчин и они ещё пару минут не могли успокоиться от смеха.

После этих слов у обоих члены стояли колом. Настолько сильная эрекция, что они отодрали бы любую дырку, которую им подсунули, но в этот момент они жаждали раненое тело. Всё как в животном мире: замученное и истерзанное в драке или от болезни животное обычно погибает оттого, что его начинают добивать здоровые особи. В животном мире это понятное явление, так как хилый член стаи, если мы говорим именно о ней, ослабляет её и подвергает опасности всех её членов, но можно ли это применить к человеку? Да, возможно, но лишь при определённых обстоятельствах.

Вдруг Фёдор попытался открыть дверь, чтобы выскочить на ходу из автомобиля. Не факт, что этот маневр сохранил бы ему жизнь, тем не менее попытка стоила своего. К его сожалению, помешал сидящий рядом парень, которого звали Виктор.

Он одним ловким движением вернул калеку на место, а вторым разбил ему нос. Фёдор потерял сознание.

– Ты его там не убил?

– Не, Вась, не убил, не переживай.

– Я надеюсь на это. Мне хочется, чтобы он был живым, когда это произойдёт, тем более мы уже подъезжаем, – от явного нетерпения Василия – водителя авто – начало трясти.

Зрачки расширились до такой степени, что радужки будто и не было в помине. Здравый разум туманился похотью и желанием выебать инвалида.

Они отъехали недалёко за город, после чего по просёлочной дороге добрались до одинокого небольшого домика. Это, вероятно, была заброшенная дача. Василий прошёл в дом и включил свет, а затем вернулся ко второму мужчине и помог перетащить тело безногого солдата. Они перенесли его на большой диван и для храбрости выпили по стакану водки. Мужчины стали с нетерпением ожидать, когда очнётся их славный заключённый.

– Просыпайся, мать твою, – последовала сильная пощёчина, да такая, что у Фёдора из глаз посыпались звёзды.

– Вы чё творите, мужики? Вы мне нос сломали. Да я в полицию пожалуюсь.

– Если тебе повезёт, и выживешь, можешь попробовать это сделать. И кстати, можешь кричать во всё горло, если ты любишь – всё равно никто не услышит. Кричащие люди меня очень заводят.

Паника, страх, боль и непонимание его дальнейшей судьбы полностью захватили разум Фёдора. Сопротивляться, драться, кусаться, – хоть что-то сделать, чтобы не допустить этого безумия. Но тут его мысли прервали ощущения, что с него стаскивают штаны. Дикий ужас охватил его. Он начинает отпихиваться руками, но тут его руки заламывают назад и не дают ему возможности двигаться. Мгновение – и он ощущает, как его задний проход начинают смазывать какой-то жидкой, холодной дрянью.

У обоих мужчин на лицах огромные и устрашающие ухмылки; временами из их уст срываются насмешки. В один момент к его заду приставляют что-то тёплое – небольшое касание – затем дикая и непонятная боль пронзает внутри между ягодиц. Вперед-назад, будто трубочист перепутал отверстия и решил прочистить его анус. Настолько неприятные и унижительные ощущения, что Фёдор начинает плакать. Парень, что находится сзади, входит всё глубже и глубже, будто он задался целью добраться до его желудка. Фёдор начинает слышать лёгкие постанывания, как вдруг второй – Василий, – держащий его руки, сказал:

– А теперь, паскуда, открывай рот и соси мой толстый член, – после чего расстегнул ширинку и поднёс член ко рту Фёдора.

Фёдор попытался укусить его за этот конец, но ему тут же прилетела ответная реакция.

Он смутно помнил о том, что происходило, но точно знал,

что его начали бить кастетом по зубам. Передние зубы вылетали один за другим из его рта. Море крови сопровождало падение зубов, а также крики, боль и страдания. Фёдор начал молиться, чтобы он отключился, но этого так и не произошло. И вот он чувствует, как в его рот через закрытые и напряжённые губы влезает член. Он давится массой крови, зубов, а теперь и членом.

Сцена, когда Вася совал и высовывал член изо рта, напомнила ему, как он лишал девственности свою жену, и, что несомненно возбуждало его до крайней степени, как он видел кровь на своём конце.

Член в заднице и член во рту – какой-то повышенный уровень членов в его организме. Можно ли мужчине почувствовать себя ещё более униженным, чем в этой ситуации? Вероятнее всего, нет.

Почти одновременно он почувствовал, как его прямая кишка и полость во рту заполнились чем-то жидким и тёплым. Он не мог понять, во что превратился его рот: он был заполнен кровью, зубами и вязкой жидкостью. Он уже почти захлебнулся, так как не собирался глотать всю эту мешанину, как вдруг его отверстия освободились, и появилось время передохнуть и выплюнуть содержимое изо рта. Теперь они оба лежали на диване, тяжело дыша, когда один из парней предложил минут через пять сделать второй заход.

– Знаешь, мне хочется развязать бинты и распустить швы, чтобы ещё немного заполнить эту кровать кровью. А? как

тебе идея?

– Ты всё-таки хочешь, чтобы он здесь умер?

– Честно говоря, мне вообще плевать, что с ним будет. Я просто хочу взять от этого момента всё по максимуму. Мы ведь можем замотать ему ноги обратно, так ведь?

– Слышь, товарищ, ты наверное всё ждёшь, когда сможешь отключиться? – обратился он к еле живому Фёдору. – Боюсь разочаровать тебя, но этого не произойдёт. Тот препарат, что мы тебе ввели, не даёт человеку потерять сознание. Так что ты сможешь полностью насладиться всеми прекрасными моментами этого романтического вечера.

Лёжа на животе, почти убитый, выплёвывая коктейль из спермы, крови и зубов, Фёдор что-то стонал, плакал и молил, как вдруг замер от новых ощущений: на его культиях начали разматываться бинты.

– Слушай, а может хоть чуть-чуть обезболим его? Не дай бог сердечко-то не выдержит и отъедет ненароком.

– Он же военный, на войне терпел и здесь потерпит. Правильно говорю, солдатик?

– Убейте меня, прошу вас, – простонал Фёдор, – хватит, просто убейте.

– Ты чего, братец? Куда ж тебя убивать? Мы что, похожи на убийц? А? То-то, нет.

Фёдор почувствовал адскую боль сначала в одной культе, затем во второй, будто по ним водили ножом, хотя на самом деле так и было. Затем из двух его ног начала идти кровь.

Алая, прекрасная как роза, кровь. Они видели в крови что-то привлекательное и будоражащее, то, что грело их душу и манило разум. После завершения процедуры по спуску крови, Вася и Рома поменялись местами и начали с особым усилием трахать бедное, истекающее кровью тело инвалида. Всяческие чувства уже покинули его на этом этапе – он думал, что уже умер и попал в ад за те поступки, что совершал, и теперь получает наказание по всей строгости. Ему оставалось только ждать и надеется, что это бесконечная пытка всё-таки закончится.

Роман, перед тем как войти в анус Фёдора, хорошенько смазал член в крови и попытался втиснуть его максимально резко. Им уже переставало нравиться, что Фёдор практически не сопротивляется, и тогда тот, что находился во рту, начал бить его по голове, дабы получить ещё немного сопротивления. Федя чувствовал, что его прямая кишка разорвана, но это уже не имело никакого значения. Кончив по второму разу, они успокоились и, немного отлежавшись, один из них, тот, кого звали Рома, предложил последнюю идею.

– Знаешь что, Василий Игоревич, у меня возникло ещё одно желание!

– Да? И какое?

– В общем, ты ляжешь на спину, а он к тебе на пузо. Я прорежу дырочку в его мошонке и выебу эту дырку, – и улыбка расплзлась столь широко, что Васе стало немного страшно-вато. – Да ладно тебе, это будет последнее.

На лице Василия появилась идентичная улыбка. Идея, которая показалась ему уже сверхбезумной, заиграла новыми красками. Он предвкушал осуществить её.

– А у него от такого сердце не остановится?

– Не переживай, у меня есть ампула адреналина – заведём его, ха-ха-ха-ха.

В третий раз Фёдор ощущал, как его полумёртвое тело снова хватают. В этот раз его уложили на пузо одного из мужчин – он не мог уже разобрать, кто есть кто. Затем последовала такая боль, которую он прежде не испытывал. Первая мысль: ему отрезали мошонку, потому что после надреза он почувствовал, как из неё что-то вытекло между ног, тёплое и приятное. Затем двойное проникновение в его анус и разорванную мошонку, каждый раз всё больше и больше. Он начал в голове молить бога, чтобы тот сжалился над ним и остановил его грешное сердце. Этого он так и не дождался. Третий акт соития был больше, но и быстрее, чем предыдущие разы. Затем его скинули на кровать, и он остался лежать, не подавая признаков жизни, но всё ещё находясь в сознании.

Выкурив по сигарете, Вася и Рома решили чуть-чуть прибраться, замотать обрубки ног бинтами и напихать в мошонку побольше тряпок. Смыв с себя всю кровь и переодевшись в новую одежду, они, засунув Фёдора в какой-то мешок, кинули его в багажник машины, на которой приехали.

Они прибыли ровно на то место, откуда забрали Фёдора,

и даже достали коляску из кустов, усадив его в неё как манекен. Вряд ли то, что от него осталось, можно было назвать человеком. Тело без души: голова опущена, пустые глаза. Со рта всё ещё шла кровь, как и из задницы кровь вперемешку со спермой, с ног и мошонки также вытекали жидкости его организма, и не только его.

Пробыв на том месте около получаса, его нашла мама с дядей Колей: они ходили по улицам всю ночь, пытаясь отыскать его, а уже отчаявшись возвращались домой. С криками она кинулась к своему сыну, от которого уже ничего не осталось. Будто это была просто обёртка. Она пыталась достучаться до него, но не получила успеха. Николай зашёл в ближайший дом, разбудив людей, и попросил позвонить в скорую помощь. Уже через десять минут по пустынным утренним улицам на вызов приехала бригада медиков.

Фёдора тут же отправили в реанимацию, где провели множество операций, потратив около трёх часов. Кровоточащие части были зашиты, но дело было в том, что если снаружи его можно было залатать, то внутри его душа, если она конечно существовала, была уже мертва.

Под словом душа я скорее подразумеваю человеческое сознание, нежели что-то духовное. Разум, который можно уничтожить или возвысить. Можно ранить, а можно пригреть.

Около двух недель он провёл в палате интенсивной терапии. Жизненные показатели всё это время были очень слабы – Фёдор был буквально на волоске от смерти, когда они вдруг

начали приходить в норму. Его перевели в обычную палату, где с ним уже большее время могли проводить близкие.

– Доктор, он постоянно смотрит в одну точку, ничего не говорит, только изредка реагирует на меня, но по большей части просто смотрит в никуда, – переживала мать Фёдора и со слезами на глазах пыталась хоть что-то выяснить у врача.

– По всей видимости, он перенёс сильнейшую психологическую травму. На этом этапе ему требуется больше покоя и никаких тревожных новостей извне. Мы проводим медикаментозное лечение, и я думаю, что в конце месяца его организм будет здоров, насколько это возможно. Я не могу говорить о его сознании – здесь требуется хороший психотерапевт, который проведёт с ним немалую работу. Таких специалистов в нашем городе нет, поэтому стоить это будет очень дорого. Так что на вашем месте, если вы хотите, чтобы ваш сын выздоровел, я бы начал задумываться, где взять денег. А пока всё что нам остаётся – надеяться на лучшее. На то, что может быть случится божье чудо, и он сможет самостоятельно выкарабкаться.

После этого разговора прошло около трёх недель. Большую часть времени он молчал и лишь изредка пытался что-то говорить, хотя из-за отсутствия передних зубов разобрать его слова было крайне сложно. И только одну фразу Наталья смогла разобрать чётко, от чего ей становилось очень больно: «Всё, что ни делается, мама, всё к лучшему», – после этих слов он начинал слегка улыбаться.

После потери ног у Фёдора отобрали его нормальную жизнь, но он не был сломлен морально. Теперь же ему не удавалось сосредоточиться ни на одной мысли, кроме тех, как его насиловали. Они всплывали у него в голове снова и снова, и с этим он ничего не мог сделать.

Они договорились съездить в полицию и подать заявление об изнасиловании, потому что к ним так и не явился никто из правоохранительных органов, что было крайне странно.

– Ты, главное, не переживай, просто расскажи, что случилось, и мы пойдём домой, хорошо? На обратном пути я куплю тебе мороженое, хочешь? Или чипсы?

– Хорошо, – без единой эмоции ответил её сын.

– Там все дяди хорошие, никто тебя обижать не будет. Тебе просто нужно будет рассказать это или написать всего лишь один раз. А потом ты можешь забыть об этом навсегда.

Практически тотальное равнодушие исходило от Фёдора. Ему уже было глубоко плевать, что будет с ним или с его обидчиком. Он хотел прекратить всё это: боль и воспоминания. И после того, как он накажет своих обидчиков, дальнейшая его судьба стала очень ясной. Подходя к полицейскому участку, Федя своими глазами увидел, как в курилке возле входа в отделение двое сотрудников в форме курят и смеются. И он узнал в этих людях своих обидчиков: на мгновение его снова охватывает ужас и начинает трясти. Он дёргает за рукав свою мать, стоящую сзади, буквально умоляя развернуться и покинуть это место. Он начинает рыдать. Федя, ко-

нечно, получил недопонимание со стороны матери, но, тем не менее, она поддалась на эту мольбу.

– Что случилось? В чём проблема, сынок?

– Я... я... я... не хочу делать это сегодня. Давай в другой раз?

– Да, конечно. Как ты захочешь.

В момент, когда его мать разворачивала коляску, он, и без того находясь в ужасе, увидел лица этих мужчин и заметил, что они узнали его и начали громко смеяться. Такого ужаса он больше не выдержит.

Направляясь домой, он чётко знал, что собирается делать. Так же чётко он понимал, что больше не вернётся сюда никогда. Только лишь одна мысль была в голове, очень ясная, пожалуй, впервые за месяц: он знал, что именно должен сделать – закончить это всё, и поскорее.

– Слушай, мам, а ты можешь позвать дядю Колю, чтобы он пришёл?

– Да, а для чего тебе он?

– Мне просто нужна его небольшая помощь, да и просто как-то захотелось побольше людей в доме.

– А это срочно, сынок?

– Нет, можешь не спешить. Зайди что-нибудь вкусное ещё прикупить, что-то мне сладкого очень захотелось.

– Угу.

Она довела его до дома, обняла и отправилась к дому Николая, до которого было около получаса ходьбы. Не желая

заходить в дом, Федя остался на улице и отправился в летнюю кухню, в которой находилась ванна, прихватив с собой кухонный нож. Он вспомнил один из фильмов про итальянских мафиози, когда они наливали тёплую ванну и перерезали себе вены. Так обычно происходило, когда человек должен умереть, но убивать жестоко не хотели и в качестве милости ему предлагали убить себя довольно безболезненным способом. Так он и поступил.

Набрав тёплую ванну воды, Федя полностью разделся и забрался в неё. У него уже ничего не болело, и он мог спокойно передвигаться на култых. На несколько минут он расслабился в тёплой ванне, ничего не предпринимая. Затем взял нож, который до этого положил на край ванны, и сделал абсолютно спокойными руками вертикальные разрезы по венам на двух руках. Почувствовав, как в тёплой воде из него медленно вытекает жизнь, не жалея ни о чем, не вспоминая ни о ком, не думая о последствиях и сколько боли он принесёт, Федя медленно погружался в приятный сон. На его душе разливалось тепло. Он осознавал, что все его страдания сейчас окончатся, и лишь одна фраза сорвалась в бездну с его губ: «Всё только к лучшему...»

Глава III

Второй период детства

– Тварь бухущая, сколько раз я тебе говорил: будешь пре-

рекаться со мной, будешь пиздюлей получать? – не впервые в семье Соколовых слышались крики мужа и жены. В большинстве своём мужа, но и ему прилетала ответочка.

Звуки пощёчины и ударов по телу, будто боец проводил тренировку перед своим боем. За такими спектаклями наблюдал трёхлетний Ванечка, зачастую пытаюсь со слезами на глазах встать между отцом и матерью, умоляя, насколько это было возможно с его словарным запасом, папу прекратить насилие над мамой. В ответ Ваня получал лишь толчок и отлетал на пару метров. Так могло повторяться несколько раз, до тех пор, пока он либо ударится обо что-то, либо же просто выбьется из сил. Но каждый раз он пытался снова встать и в очередной раз заступиться. Логичным будет заметить, что это не давало никакого результата. В какой-то момент Константину, отцу семейства, наскучивала эта картина, и когда маленький сын и его мать рыдали в один голос, он останавливался и продолжал своё одиночное застолье. Измученный сын и избитая жена – вот чем оканчивались такие вечера.

Примерно три года такие сцены повторялись периодически, иногда на глазах у маленького мальчика. Порой он находился в другой комнате и слышал звуки перепалок, отчего ему становилось ещё страшней, ведь он не мог видеть, что там происходит – уже в юном возрасте его богатая фантазия описывала ему самые страшные варианты развития. Каждый раз, когда в соседней комнате затихало, его сердце сжималось в ожидании: «Всё. Это конец». Больше он не увидит

свою маму живой, а папу заберут дяденьки в форме, и он отправится в детский дом, о котором ему время от времени рассказывал отец.

Но каждый раз в комнату возвращалась его мама, иногда с таким заплывшим лицом, что он еле её узнавал, но она всё равно заходила, успокаивала его и желала спокойной ночи.

На момент, когда Ваня пошёл в первый класс, его отец бросил пить и в их жизни наступило мирное время – избиения закончились на корню. Лишь изредка, в те моменты, когда его мама периодически выпивала, можно было увидеть сцены скандалов. Но в каких семьях обходятся без скандалов?

Это нормальное явление с учётом нынешних реалий, когда перспективы большинства молодых парней останавливаются на чём-то небольшом, на чём-то незначительном, и вроде как их всё устраивает. В свою же очередь девушки, желающие по своей природе чего-то большего, от безысходности становятся таким парням жёнами, после чего всю свою жизнь с внутренней обидой припоминают при любом удобном случае, что они загубили свою жизнь из-за них. Да и вообще, сколького они могли бы добиться, если бы не эти скоты.

Стоит ли начинать брак, если ты не уверен в себе? Этим вопросом часто задавался Константин, но, ослеплённый любовью, заглушал здравый смысл и тем самым превратил свою свободную жизнь в подобие рабства, где он постоянно был

что-то должен супруге.

Конечно же, на ребёнке сказываются перепалки родителей, и вряд ли в лучшую сторону. Многие ли родители задумываются об этом? Вряд ли... По итогу мы получаем всё больше психически нестабильных подростков, а затем и взрослых людей, которые зачастую не отдают себе отчёт в том, что они творят.

На первый взгляд обычный первоклассник Иван уже в юном возрасте замечал, что его привлекают некие странные явления, отчего появляется лёгкое щекотание внизу, в районе паха. Уже в шесть лет во дворе, где он обычно гулял и играл, он узнал о мастурбации от ребят, которые были старше него. Это так завлекло Ивана, что переросло в какую-то маниакальную страсть: он мог дрочить по двенадцать раз в день и ему всё было мало. Он не мог насытиться этим прекрасным чувством и останавливался лишь тогда, когда на его члене появлялись маленькие раны, из-за которых обычный поход в туалет становился неприятным и болезненным. Приходилось ждать пока член заживёт, а затем в очередной раз дрочить до такой степени, что кожа снова стиралась до ран. И так снова и снова...

Шли годы. Простое подёргивание пениса уже наскучило Ване: пропали эмоции предвкушения, осталась только небольшая вспышка в конце и всё. Пустота, поселившееся в нём, более не заполнялась оргазмом, как это было ранее. Куда-то пропала искра, которая заводила его моментально. В

четвёртом классе Ваня отважился попробовать кое-что рискованное. Конечно, он ещё не понимал, насколько это рискованно, и во что всё это могло вылиться.

– Дети, записываем текст со страницы сто восемьдесят два, а затем переписываем текст со страницы сто восемьдесят четыре и сто восемьдесят пять, – все в классе уткнулись в свои тетради, пока учительница записывала домашнее задание на доске.

У Ивана эти два текста уже давно были переписаны. Он попытался отвлечь своего друга, который сидел впереди него, но тот, будучи занят, никак не отреагировал на эти провокации и продолжил переписывать текст, чтобы не тратить на это время дома. Затем он решил подразнить свою соседку, которая сидела слева от его руки, но та тоже была слишком занята переписыванием текста. И тут он понял, что остался с самим с собой наедине, хоть и в окружении тридцати человек. Сидеть и ждать оставалось ещё около двадцати минут, но каждая минута растянулась на вечность и казалось, что следующая минута становится всё длиннее и длиннее. Ноги стали будто неметь. Он почувствовал, что мизинцы начали пульсировать. Боги, как же он ненавидел такие моменты, эти ублюдские мизинчики. С великим удовольствием он бы избавился от них прямо в эту секунду, но, к сожалению, у него ничего не было под рукой, чтобы отсечь их. «Какие же вы надоедливые, – размышлял он. – Да и по факту они не нужны человеку, никакой опорно-двигательной функции они не

несут, так чего ради они вообще есть?»

В такие моменты он был очень серьёзно настроен и готов избавиться от них, но когда звучал звонок и кровь снова лилась по всему организму, эти мысли улетучивались на раз.

Спустя длинные пять минут что-то ёкнуло в нём, и он почувствовал, как зазудел пах. Тогда он начал мечтать, что учительница проводит урок в нижнем белье, а затем подходит к нему, чтобы проверить домашнее задание. Что-то неверно написанное в его тетради злит её – она хватает его за пенис, шепча на ухо:

– Будешь отрабатывать после уроков, Ваня, – после чего убирает свою руку от его гениталий.

Эта фантазия настолько взбудоражила его, что он понял, что либо кончит сейчас, либо умрёт.

Очень медленно и осторожно его рука опускается под парту и расстёгивается ширинка – предательский звук молнии кажется невероятно громким – он замер и огляделся, – не присматривает ли кто за ним. Затем одной рукой приспускает трусы и хватается за член, крепко сжимая его, так, чтобы он был полностью налит кровью и даже начал неметь. Аккуратными движениями пальцев он начал массировать головку члена. Возбуждение возросло настолько сильно, что его начало немного трясти. Сбилось дыхание. Он начал водить запястьем вверх-вниз. Не прошло и пятнадцати секунд, как он кончил себе в руку. Он так сильно напрягся от оргазма, что было похоже, что его перекосило от инсульта, но ни единого

звука он не издал, хотя было огромное желание прокричать: «Да-а-а».

На первый взгляд никто ничего не заметил: вроде бы всё в порядке, можно спокойно выдохнуть и с облегчением расслабиться. Ощущение, будто на его спине висели металлические блины по пятьдесят килограммов, и вот ему удалось их скинуть. Единственная нерешённая проблема, с которой следует разобраться, это сперма в правой руке, от которой он ещё не избавился, а также мокрые трусы, в которых придётся проходить несколько уроков.

Именно поэтому впредь он всегда скидывал этот яд, находившийся в его организме, в какую-нибудь ёмкость или на бумагу, но только не в трусы и не на себя. Шестой урок только начался, а он уже почувствовал, что не может это терпеть: в очередной раз груз повис на его плечах и давит к земле. Он осознавал, если сейчас же не скинет его, то эта тяжесть раздавит его на куски, после чего он не сможет сдерживаться и закричит на весь класс.

– Марья Ивановна, можно выйти? – с поднятой и трясущейся рукой уже почти стоял четвероклассник Ваня.

– Урок только начался, что тебе нужно? – с довольно грозным видом ответила его классная руководительница.

– Можно мне в туалет? – почти умоляюще попросился ребёнок.

– Только быстро, туда и обратно!

– Спасибо, – эти слова были произнесены уже на ходу,

так как он старался максимально быстро покинуть класс и добежать до туалета, чтобы его желание, охватившее за долю секунды, было исполнено.

Внимательно осмотрев коридор возле туалета, убедившись в отсутствии людей, он зашёл внутрь. Как жалко, что в кабинках нет дверей, да, собственно, и унитаза не было. Так, дырка в полу, что называлась очком. Уединённым это место вряд ли можно было назвать. Конечно, риск – дело ещё более возбуждающее, но очень уж не хотелось, чтобы кто-либо застукал его за таким непристойным занятием. Собственно, вариантов он видел немного: предстояло сделать всё в этом самом месте. В противном случае он не сможет выдержать той нагрузки, что легла на него.

Спустив штаны до колен, он чуть наклонился к стенке и упёрся в неё рукой, после чего без церемоний начал мастурбировать, представляя, как его одноклассницы ходят по классу нагишом. Много времени это не заняло – наступает кульминация этого действия, и он отчётливо слышит, как кто-то направляется по коридору в его сторону.

Настаёт момент, когда стоит выбирать: получить, возможно, лучший оргазм в его жизни (он не был возбуждён так ещё никогда, но это сулило тем, что его, вероятнее всего, застукают, и он опозорится до конца своих дней), либо он остановится, приведя себя в порядок и спокойно покинув помещение, но... это сведёт его с ума и, скорее всего, он умрёт, как думал на тот момент. Так что выбор в очередной раз был

невелик.

Наступает момент великого блаженства и, возможно, великого позора. Один мальчик из старшего класса почти зашёл в туалет. В это время Иван кончает и, так как напряжение было на высшем уровне, непроизвольно издаёт продолжительный стон. Ему хочется удержаться и на этот раз, но, к сожалению, тут он бессилён. Какого было удивление старшеклассника, который увидел Ваню с опущенными штанами, прижатой головой к стене, членом в правой руке, тяжёлым дыханием и красной, как слива, головой.

В этот миг на Ваню срывается волна смеха и позора. Ему ничего не остаётся, кроме как быстро надеть штаны и поспешить покинуть туалет. Он уже догадывался, что теперь вся школа будет в курсе произошедшего.

Так началась долгая травля, когда чуть ли не каждый со смехом на лице подтрунивал и называл его дрочилой. С тех пор он прекратил мастурбировать в школе. Это было одним из ключевых эпизодов, определяющих его дальнейшую жизнь. Не по инициативе Ивана, а по нелепой случайности.

– Вань, нужно сходить за свежим хлебом, я уже почти приготовила обед, – попросила его бабушка Клавдия Петровна.

Эта просьба уже пересола в некую традицию: каждый раз, когда Ваня находился в гостях у своей бабушки, он отправлялся за хлебом и почти никогда не приносил его целым – свежий хлеб намного вкуснее есть по дороге назад, чем он и занимался, иногда обгрызая корочки почти всей буханки.

– Хорошо, ба, сейчас схожу, – так он сокращённо называл свою любимую бабушку.

Его бабушка жила на седьмом этаже в небольшой однокомнатной квартирке. Почти всегда Ваня проводил выходные именно здесь – чаще вечером, потому как днём гулял во дворе с ребятами. Этот весенний, солнечный денёк мог бы остаться таким же непримечательным, как и все прошлые дни, если бы не одно но.

Мальчик повстречал на своём пути замечательного котёнка. Он проникся любовью к этому маленькому, очаровательному созданию. Не замечая времени, он пробыл с ним около пятнадцати минут, после чего вспомнил, что за обеденным столом его ждёт бабушка. Он понимал, что ему следует сходить за хлебом в магазин, который располагался в пяти минутах. Но и оставить этого милого котёнка без присмотра было бы глупой ошибкой, ведь он наверняка убежит или его кто-нибудь заберёт, а такие варианты развития событий не понравились мальчику.

Тогда ему пришла на первый взгляд прекрасная идея. Он нашёл возле мусорных баков плетёную верёвку и соорудил из неё петельку. Надев на шею котёнка петлю, он привязал другой конец верёвки к старой алыче, наклонённой в сторону ржавого гаража.

– Подожди десять минут, я прибегу! – попросил у котёнка мальчишка и галопом погнал в магазин.

Он и правда успел сбегать за хлебом, вернуться домой, да

ещё и поест, на что потратил чуть более десяти минут. После этого он снова рванул по ступенькам с седьмого этажа, один за другим пролетая лестничные проёмы на пути к своему новому питомцу. Ваня надеялся, что сможет сохранить его на улице, кормить и ухаживать за ним, зная, что нести котёнка домой не имеет никакого смысла: каждую весну, когда мальчик приносил котёнка, его заставляли относить животное обратно, туда, откуда он его принёс. Поэтому он не питал надежд, что ему удастся оставить этого.

Прибежав к дереву, он увидел крайне неприятную картину: котёнок, пытаясь освободиться, вилял вокруг ствола дерева, вследствие чего его прижало к стволу, а последний виток верёвки был у его шеи. Было видно, что он почти задохнулся. Ваня в ужасе постарался помочь своему маленькому другу, но тот, находясь в отчаянии и безумии, начал неистово царапать его руки и шипеть. Эта картина шокировала мальчика.

Ещё около двух минут маленький комочек шерсти сопротивлялся сдавливающей как тиски верёвке, а затем повис, не подавая признаков жизни. Пребывая в шоковом состоянии от того, что произошло, Ваня с ужасом рванул обратно в квартиру и отправился в туалет, так как в единственной комнате находилась его бабушка, а ему нужно было остаться наедине – он не хотел раскрывать свои эмоции. Пожалуй, первое серьёзное потрясение и осознание того, что он может разрушить прекрасную и невинную жизнь, с учётом, что это

не являлось его желанием. Он полюбил этого котёнка быстро и довольно сильно, как это часто происходит у детей, и мысль, что он убил то, что полюбил, останется с ним навсегда, хоть он и не понимал этого сейчас.

Гуляя на следующий день с ребятами из своего двора, Иван мимоходом услышал от сидящих на скамейке бабулек о том, что какой-то вандал привязал и повесил маленькое животное. Ему стало обидно, ведь он не делал этого специально и не считал себя вандалом, но признаваться и объяснять, как всё было на самом деле, он не стал.

– Сынок, может, прогуляешься со мной? Купим тебе что-нибудь вкусное, – поинтересовалась мама Вани.

Ей нравилось ходить за продуктами с сыном, но случалось это крайне редко из-за частой смены настроения, и почти всегда оно было плохим. Так случилось и на этот раз: она не получила положительного ответа.

– Да не, мам, что-то я проснулся уже уставшим. Я лучше посижу дома и посмотрю телик или поиграю с Марусей.

Домашняя породистая кошка по кличке Маруся – сиамские кошки всегда отличались своей злопамятностью. Маруся очень недолюбливала младшего члена семьи, потому что частенько случалось, что Ваня бил её ногами или тем, что попадётся под руку. Конечно же, эти издевательства происходили вне поля зрения родителей, из-за чего обидчик оставался безнаказанным.

Когда родители покинули дом, Иван тут же бросился к

окну, чтобы проследить, не решат ли они вернуться за чем-нибудь, что они могли забыть. После этого, закрыв дверь на замок, он стал тщательно продумывать, на что бы такое передёрнуть, потому что обычные приёмы уже не срабатывали, да и ощущения от них стали не настолько яркими.

Тогда-то ему и пришла довольно странная идея: «А что, если попробовать присунуть своей кошке?» Да, мысль, конечно, странная, но возбуждение заиграло в его голове. Соорудив из подушек мягкий настил, он взял на руки Марусю, уложил её на подушки и нежно прижал. Чувствуя, как привстаёт его член, он приспустил штаны и начал тереться хозяйством о кошку. После этого он начал пытаться засунуть свой пенис в задницу кошке – конечно, этого у него не получилось, и кошка начала вырываться и мяукать – но и этого было достаточно, чтобы кончить.

Прошло около тридцати секунд. Иван лежал, наслаждаясь, а в это время Маруся выползла из-под его тела и зацепила крайнюю плоть своим острым как лезвие коготком. «Весьма неприятно, что такой прекрасный момент омрачила ссадина какой-то мелкой твари», – именно так он зачастую называл своего питомца.

После инцидента с кошкой прошло не более месяца. Ваня стал замечать, что она очень странно на него смотрит. Этот взгляд довольно сильно пугал его, и это доходило до безумия. Ему не удавалось уснуть, если дверь в его комнату не была плотно заперта, из-за опасений, что Маруся уже жаж-

дет мести. Понимая, что так больше продолжаться не может и в этом доме должен остаться лишь один из них, он решил прибегнуть к крайним мерам.

В очередной раз дождавшись, когда родителей не будет дома, он приготовился осуществить свой план. Отыскав на полке, где хранились лекарства, какой-то порошок, имеющий неприятный запах, он надеялся убить кошку с его помощью.

«Что ж, то что нужно для этой твари. Надеюсь, она сдохнет быстро», – этот диалог, вернее сказать, монолог, он вёл в своей голове.

«Да и к тому же, пока у нас есть кошка, мне и думать запрещается о том, чтобы завести собаку».

На белой этикетке ампулы, что достал Иван, была надпись: «Валериана порошковая». На тот момент он не знал, какими свойствами обладает этот препарат, поэтому, думая, что это отравит его кошку, он раздвинул пальцами ей рот и засыпал всё содержимое внутрь. К его сожалению, он не увидел, что его питомец умирает или страдает – только то, что многократные чихания Маруси.

Конечно, это очень расстроило мальчика.

– Ничего не поделать. Видимо, придётся оставить это на следующий раз.

Придя вечером домой, мама Ванечки какое-то время не наблюдала свою кошку, после чего задала логичный вопрос о том, давно ли сын её видел.

На это она получила ответ, что питомец отправился на улицу, наверное, погулять, и во дворе он не видел её с того момента, как пришёл со школы. Уже перед тем, как ложиться спать, они всей семьёй услышали множество кошачьих криков, будто целый зал скандировал, наблюдая за боем в ринге. И лишь глава семейства отметил: «Лишь бы это была не Марусяка».

На следующее утро они застали возле входной двери тяжело дышащую кошку, с таким видом, будто её пытались разорвать на кусочки. Естественно все понимали, что в таком состоянии она уже не жилец, и даже немного удивились, что она смогла дойти до своего дома. Мальчик выразил большое сожаление и чувство жалости к питомцу, а также отметил, что они потеряли одного из членов семьи. Затем он сослался на плохое самочувствие и попросился не ходить в школу.

Дети, особенно в подростковый период, крайне жестокие создания. Не успев осознать и научиться чувству сострадания, они показывают свои животные инстинкты. Кажется бы, откуда в таком маленьком человечке столько злобы? Суть в том, что она существует в каждом человеке, но большинство людей, вырастая, умеют заглушить свою боль и злость, становясь более человечными, умеющими сопереживать и сочувствовать. А те, кто так и не смог обуздать свой гнев, зачастую кончают весьма печально. Но наиболее опасны те, кто умеет замаскировать свою агрессию и ненависть

к окружающему миру. И такие люди превращаются для других в кошмар во плоти.

– А знаете, что я сегодня устрою? – спрашивал с широкой улыбкой и невероятным предвкушением Иван у своих друзей, которые жили в соседних домах на его улице.

– Что? – спросил мальчик по имени Миша, который был на два года младше.

– Да, Вань, что? – спрашивали ребята, собравшись вокруг него.

– Сегодня, я пойду со своим большим мечом к большим камням, которые лежат у нас кучей – те, про которые я вам уже рассказывал. Так вот, на этих камнях собираются около тысячи небольших ящериц, и я устрою им кровавую баню.

Только от одних этих слов у него побежали мурашки по всему телу. Он ждал, пока на улице станет жарче и маленькие пресмыкающиеся выползут погреться на ярком солнышке.

– А что тебе сделали эти ящерицы? – в недоумении поинтересовался один из мальчиков.

– Что значит, что они мне сделали? Они сидят на моих камнях в моём дворе – это никому не позволено просто так. Им придётся расплатиться кровью, – эту фразу он случайно услышал, когда его отец смотрел взрослый фильм, который Ване пока что не разрешали смотреть.

От одного из мальчишек он услышал, что как бы было здорово, если бы они могли на это посмотреть, на что тут же

дал ответ:

– Это представление не для публики. Я хочу насладиться этим в одиночестве. Так сказать, создать интимную обстановку, – он не совсем понимал значения этого слова, но оно ему очень нравилось, из-за чего он старался использовать его чаще.

Затем они продолжили играть в прятки, пока не наступило время обеда, а солнце стало приближаться к зениту. Заверив, что он вернётся вечером и всё расскажет, Иван отправился домой, как и планировал.

– Как же замечательно, что у меня есть моя любимая палка-меч с доблестным именем «Кара небесная», и с ним я имею возможность вершить правосудие, – как всегда он разговаривал сам с собой, только на этот раз вслух.

Ему нравились интересные слова из книг, которые он читал, но так как его ровесники не поняли бы их значения, он пользовался ими только в разговоре с самим собой.

Меч представлял собой самую простую ветку дерева примерно метровой длины, зачищенной от лозы до рукоятки, на которой были вырезаны узоры. Медленно передвигаясь к насыпи камней и уже издали приметив около сотни, а может и тысячи жирных ящериц, он заметил, что большая часть из них обрюхачены. Его начало немного трясти от возбуждения, а в штанах чуть приподнялся пенис.

Он уже почти на месте, заносит вверх руки и совершает первый удар. От этого удара полегло около десятка ящериц,

и это очень позабавило Ваню. Он даже чуть-чуть хихикал и всё интенсивнее махал палкой. Место с камнями, площадью примерно в три квадратных метра, было усеяно маленькими трупиками с размазанными головешками, торчащими мозгами и кишками.

Его настолько сильно возбудила эта картина, что он не мог уже терпеть и побежал в туалет, где начал мастурбировать и вспоминать только что прошедшую битву: удар – кровь, удар – мясо.

И вряд ли это можно было назвать битвой, скорее, геноцид ящериц. Да, давненько он не получал такой оргазм, пожалуй, один из самых сильных, что он испытывал. Выйдя из комнаты, он увидел перёд собой стоящего отца и впал в ступор. «Попался», – подумал он. На самом деле ему было плевать, есть ли кто дома и не рискованно ли драть в туалете с учётом, что он почти не издал никакого звука, а лишь изредка слегка постанывал. Тем не менее он не ждал никого перед самым входом в туалет.

– С тобой всё в порядке, сынок?

– Да, пап, – Иван почувствовал, что ответ у него получился крайне неправдоподобным.

– Ну ладно, давай тогда.

«Фух», – выдохнув он подумал про себя: «слава богу, что отцу плевать на меня, и он не стал докапываться, чем он там занимался».

К тому же следует отметить, что при каждом удобном слу-

чае Алексей, отец Вани, не забывал припомнить ему, кем он являлся для него: тупицей и ничего более. И навряд ли этого маленького мальчика можно было назвать тупицей или тупым, так как он обладал весьма непростым умом. Хитрый, злопамятный и довольно умный для своего возраста мальчишка. И чем он заслужил своё обидное прозвище, ему никак не удавалось понять.

Да, он совершал некоторые глупости, но лишь в силу своей юности и неопытности. Перед родителями он всегда был добрым, ласковым и заботливым сыном. По правде говоря, он и являлся таким, но только для своих родителей. Что же касалось остального мира, он ненавидел всех: от дождевых червей до дождевых людей. С чем была связана эта ненависть, он не мог сказать, да и не особо хотел в этом разбираться. Возможно, он и не осознавал всю ту ненависть, что в нём сидела, и пока что она выливалась на животных и на некоторых детях из его двора.

В тот же год, когда их кошка умерла от полученных ран, Соколовы решили завести себе маленькую дворняжку. Длинная рыжеволосая сука на маленьких лапках сразу понравилась ребёнку. Несколько месяцев собачка прожила мирной и тихой жизнью, окружённая заботой и любовью, пока не подросла до тех размеров, которые Ваня посчитал достаточным для своих игр.

В одно непримечательное утро, когда родителей не было дома, мальчик решил, что настало время поиграть с собакой.

– Иди сюда, Мотя, Мотя, Мотя, Мотя. Иди ко мне, глупая, – Ваня общался с собакой и та с удовольствием шла к нему, так как до этого дня он только гладил её и играл, как играют с животными обычные дети.

На этот раз, лаская шерстку собаки, он почувствовал ненависть, да такой силы, что скулы начало сводить. Неожиданный порыв накрыл его и уже через несколько секунд он душил свою собаку обеими руками за горло, чувствуя при этом незабываем экстаз. Такой наплыв чувств схож разве что с оргазмом. Сжимая всё сильнее и сильнее, слыша лишь блеклые стоны собачки, он смотрит в небо улыбаясь, пытаюсь разглядеть Бога, про которого ему твердили. Он спрашивает в своей голове:

«Ну, где же ты, а? Смотри, что я делаю с твоей тварью», – и, не получая никакого ответа, закрывает глаза всё в том же наслаждении.

В какой-то момент, чувствуя, что собака совсем ослабевает, он отпускает её горло и начинает гладить, будто ничего не произошло.

– Малышка, что случилось? Ты испугалась? Глупышка, иди ко мне, я тебя не обижу, – питомец пытается увильнуть от рук мальчика в ожидании, что тот снова начнёт её душить.

Этого не происходит, и мальчик снова проявляет свои тёплые чувства к собаке. Она снова чувствует себя в безопасности, но тем не менее в её памяти откладывается странное поведение хозяина.

Около года продолжалось издевательство над небольшой собачкой: он постоянно душил её до полусмерти, а затем отпускал, но уже не гладил и не пытался вернуть доверие. Ему нравился оскал собаки и то, что она не доверяет ему и не подпускает, а завладев ею, он может с превеликим удовольствием душить эту грязную суку. Каждый раз оканчивался тем, что он сидел в ванной и кончал за несколько минут. Кто бы знал, сколько это могло продолжаться, но случилось то, что никак не ожидал маленький мальчик.

Просто душить собаку ему уже наскучило, и тогда он решил попробовать кое-что новое: подрочить ей пальцем. Он в очередной раз схватил её за ошейник и придавил рукой к земле, а свободной перевернул таз собаки и начала медленно надрачивать ей. О да, это произошло снова: он почувствовал приятные чувства внутри себя. Как же ему хотелось передрнуть второй рукой, но он не знал, как поведёт себя собака, когда он её отпустит. Почувствовав, что сопротивление его любимца ослабло, да и в целом она была уже не против происходящего, он закончил дрочить собаке и уселся на месте, где заканчивалась цепь. Затем показал ей палец, которым совершал это действие, после чего она начала активно вылизывать палец, а Ваня достал член и начал ублажать себя.

Вдруг во двор зашёл его отец, которого отпустили пораньше с работы и он смог застать всю картину собственной персоной. Находясь в шоке от увиденного, он не сразу понял, что ему следует делать, а тем временем его сын быстро отпра-

вился и быстрым шагом отправился отмывать руки на кухню, но тут за его плечо ухватилась крепкая мужская рука. Быстро развернув его, эта же рука награждает его мощной пощёчиной, затем наклоняет его и начинает лупить ладонью по заднице и по затылку, выкрикивая различного рода ругательства.

– Большой ублюдок! Мы его воспитываем, кормим, а он дрожит на собак! Сукин ты сын! Это я тебя ещё мало выпорол. Наказан на месяц – никаких гуляний. И чтобы я не видел тебя возле собаки, ты понял? Скоро ещё придёт мама и я ей всё расскажу, неблагодарная ты свинота!

В тот момент, когда его били, он не понимал, больно ли ему или приятно. Вроде бы обжигающие хлопки по заднице были неприятны, но что-то в нём говорило, что импульсы, которые разносятся по его телу от ударов, даже приятные. Так что это было весьма сомнительное наказание для юного садомазохиста.

– Па-а-ап, прошу, не надо говорить маме. Я никогда больше не буду так делать, – по его щекам потекли наигранные слёзы.

Он уже научился искусно врать, так что это не составило никакого труда. Родители могли увидеть что он врёт только тогда, когда ему это было нужно, либо же когда Ваня не прилагал усилий, чтобы солгать.

Уже немного отойдя от шока, его отец, поразмыслив, сказал:

– Что ж, я не скажу маме, но если я ещё раз увижу подобное – я тебе богом клянусь, – прибую тебя.

– Спасибо, пап.

Прошло более месяца. Этот инцидент поутих и вроде бы забылся, но не в голове у Ивана.

Весной у них на кухне завелись крысы, которых следовало потравить. Слава современным ядам, которые убивают крыс и не дают им разлагаться и вонять на весь дом, если те умерли в стене или под полом. Эффект от современного яда таков, что после смерти вредитель мумифицируется и засыхает, оставаясь в своей норе. Поэтому по всей кухне были разбросаны небольшие таблетки в пакетиках, размером с пятирублёвые монеты.

С тех пор мальчик никак не контактировал с собакой, но по её поведению было похоже, что она будто сошла с ума. Всякий раз, увидев Ивана, она начинала гавкать и ластиться.

– Похотливая безумная сука, – констатировал Ваня. – Пора с этим кончать, она меня уже достала.

Зная, что в их доме разбросана отрава, он осторожно взял одну таблетку с помощью целованного пакета и подсунул её в миску с едой. Уже буквально на следующее утро всё семейство обнаружило засохшее тело, будто из их питомца сделали соломенное чучело. «Крайне интересный эффект», – подумал про себя мальчишка, никак не выдавая свою радость.

– Странно. Как могла попасть отрава для крыс Моте? Она же была на привязи, а возле неё я не кидал. Сынок, она не

отвязывалась вчера, пока нас не было дома?

– Нет, пап, я не видел. При мне не отвязывалась.

– Ладно, вывезу её сегодня по пути на работу.

Спустя два месяца после смерти очередного питомца они решили завести нового: хорошего породистого кабеля. Мальчик полюбил его сразу, так сильно, как ни одно животное прежде. И в этой любви не было ничего с намёком на извращение. Самая обычная любовь человека.

Через полгода на соседнем с домом Соколовых участке начали строить продовольственный магазин, трёхэтажный из красного кирпича. Стройка была масштабная, так что на протяжении всего рабочего дня доносились звуки строительных материалов и криков мужиков. Через некоторое время на стройке появилась уличная собака, тощая и блохастая, с кривыми и длинными ногами. Из жалости они стали понемногу подкармливать её, но из-за того, что делать это постоянно не получалось, собака начала проникать во двор Соколовых и воровать еду из миски их пса.

Однажды заметив, как чужая отвратительная псина ест из миски Рафа (так семья Соколовых прозвала свою новую зверушку), Иван решил, что нельзя оставлять этого просто так и следует проучить её.

Поджидая в засаде в одно солнечное утро, мальчик увидел, как к тарелке с едой возле его собаки подбирается эта дворняга. Очень осторожно, чтобы не спугнуть свою добычу раньше времени, он хладнокровно и аккуратно передвигает-

ся к своей цели, попутно взяв в руку один, среднего размера, камень, занеся его над своей головой, подходил всё ближе и ближе. Когда до собаки оставалось буквально несколько шагов, пока та жадно хватала еду и буквально заглатывала её, не пережёвывая, мальчик закричал, а та в испуге рванула на задний двор, где её ожидал тупик.

Бедное и напуганное животное металось из стороны в сторону. Ощущая своё превосходство, Иван почувствовал некое удовольствие и начал, предвкушая, размышлять, куда же он попадёт по этой мрази. Не найдя выхода, загнанное животное решается на отчаянный шаг и бежит напролом сквозь мальчика, чтобы увильнуть через дырку в заборе туда, откуда она пришла. Когда между ними образовалась дистанция в два метра, Ваня опускает заведённую за голову руку и со всей силы кидает в собаку камень, попадая прямоком в её плоский и огромный лоб. Изнуряющий визг раздался на всю улицу. На миг Ивану показалось, что его услышал весь город, а может и целая страна. Он не придумал ничего лучше, чем в страхе и панике убежать домой. Первой мыслью в его голове было то, что он убил собаку, так как видел, что она начала телепать головой во всё стороны. Несмотря на свой страх, он посчитал, что выполнил долг, проделав свою работу.

Ещё около недели он проходил с уверенностью, что убил животное, но какого было его удивление, когда он снова увидел её у себя во дворе. Смешанные эмоции посетили его голову: вроде бы чувство облегчения, что всё-таки он не убий-

ца, но, с другой стороны, он не выполнил задание, которое сам себе и поставил.

Ничего не оставалось, кроме как прибегнуть к отчаянным мерам. Снарядившись верёвкой, он в очередной раз сидел в кустах в своём дворе, чтобы выждать бродячую собаку и через пятнадцать минут после того, как он насыпал в миску еду, та не заставила ждать.

Набросившись из-за кустов, он схватил её за шкуру и начал надевать петлю, приготовленную заранее. И уже на поводке, ведя её в гараж, решил самолично произвести казнь. Не придумав заранее к чему можно подвесить верёвку, он на несколько минут впал в ступор, но затем его осенило. Он взял металлическую трубу и прижал её к углу между стен левой рукой, а правой перебросил верёвку через трубу. Натягивая верёвку, он оторвал собаку от земли всё выше и выше, пока она полностью не перестала соприкасаться с землёй. Чувствуя нарастающее удовлетворение, его член встал трубой, а руки стали напряжены. Собака весила около семи килограмм. Она тряслась в попытках нащупать твёрдую поверхность, но у неё это не получилось – он видел страх в глазах животного.

Зрачки мальчика стали широкими до такой степени, что радужка глаз перестала быть видимой. Погрузившись в наслаждении каждой клеточкой, он наблюдал, что собака всё меньше и меньше проявляет сопротивление, как вдруг она опорожнила свой кишечник, а он услышал звуки шагов, при-

ближающихся к гаражу.

– Твою-то мать, что ты творишь? – в неопишемом шоке с нарастающим гневом произнёс отец Ванечки.

– Па-ап, не надо, я всё объясню... – Иван резко отпустил верёвку и стальную трубу. Собака упала на цементный пол как мешок, набитый хламом, не подавая признаков жизни.

Глаза залились кровью от ненависти и осознания того, какое чудовище он воспитал. Не найдя другого варианта, Ванин отец начинает избивать сына.

– Тупой ты кусок дерьма, я тебе говорил, что отлуплю тебя за такие выходки? Говорил?!

Он бил его шнуром, который попался под руку, по заднице и по спине. Затем, откинув его от себя, начал лупить руками, а последний самый сильный удар пришёлся в затылочную часть головы.

Мальчик упал, пытаясь судорожно ухватить глоточек воздуха, но, к сожалению, ему это не удавалось. Попытки вдохнуть участились, а голова налилась красными оттенками. Он начал судорожно теревить перед собой руками, пытаясь ухватиться за что-либо. В его глазах беспорядочно лопались капилляры; за какую-то пару минут мальчик посинел и уже навсегда остался бездыханным.

Из-за шока отец мальчика не сразу понял, что следует делать. Он находился в ступоре. Затем побежал в дом за телефоном и вызвал скорую помощь, а по прибытию скорой помощи вызвали полицию, которая забрала отца-убийцу. Как

оказалось, удар по затылку задел ствол продолговатого мозга, в котором находятся жизненно важные центры, отвечающие за дыхание человека.

Непреднамеренное убийство и лишение свободы на два года в колонии общего режима – таким стало обвинение отца Ивана в ближайшем будущем. Позже, после первого месяца нахождения в колонии, его найдут повешенным с запиской на кровати, которая сообщала, что он не может более это выдержать и не видит смысла жить.

Занимаясь похоронами, мать не стала вдаваться в подробности о том, что произошло, а лишь сказала, что её сын умер от нехватки воздуха. После отпевания тела погибшего мальчика, мама подошла к батюшке, чтобы попытаться услышать упокоение для своего горя. Она осталась одна, без своего ребёнка и мужа.

– Как же так, святой отец? За что я так провинилась перед Господом Богом? Чем я его так разгневала?

– Это сложный вопрос, дитя моё. Необязательно искать, в чём виновна ты. Возможно, душа твоего мальчика понадобилась Господу Богу и он забрал её у тебя. Пути Господни неисповедимы. Нам не дано сейчас понять, почему происходит так, как происходит. Но я знаю наверняка лишь одно: всё, что происходит, – происходит к лучшему.

Кира, мать Ивана, из-за маленького дохода и неспособности прожить самостоятельно, занялась проституцией, и уже через пару месяцев её нашли зарезанной в кровати отеля.

Глава IV

Юношеский возраст

– Через неделю привезут бабушку. Ей уже совсем нехорошо. Катрин уже не справляется с ней. Весь мозг мне проела. Говорит, что сил её больше нет. Они продают квартиру в Москве и хотят, чтобы мы купили новую квартиру возле нас и могли за ней ухаживать.

– Пап, а ничего, что она посвятила им свою жизнь, кормила, поила, одевала, а теперь они готовы спихнуть её нам, потому что, видите ли, она их перестала устраивать? Я не хочу сказать, что я против того, чтобы она переехала, мне лишь интересно, что это за проявление благодарности.

– Миша, я сам не знаю, что творится у них в голове. Если они не могут о ней заботиться, то это сделаем мы. Как ни крути, здесь её ждут две дочери и сын. И мы сделаем всё, что должны сделать.

– Конечно, пап, я понимаю, но как мне кажется это немного несправедливо.

– Хочу тебе сказать, что жизнь вообще штука несправедливая. Так что привыкай, но не считай это, как должное.

– Так ты будешь заниматься поиском квартиры?

– Да, тёте Рите сейчас некогда, она занята очень важными делами.

– А тётя Рая?

– Ты ведь знаешь, что она тоже вся в заботах.

– Конечно. Когда ей ничего не нужно, у неё всегда появляются дела.

– Как твоя подготовка к экзаменам?

– Полным ходом, па. Через часик пойду к репетитору.

– Хорошо.

Менее чем через неделю после их диалога в их небольшой городок, в только что купленную квартиру, привезли бабушку Миши по стороне отца. Изначально они даже не догадывались, в чём же состоит проблема, но буквально в первые дни недели всё прояснилось.

Стало очевидно, что она была психически больна. Болезнь прогрессировала с каждым днём и ей становилось всё хуже.

– Мам, тебе включить телевизор? – поинтересовался Тимофей, сын бедной старушки.

– Да, дорогой. Включи, конечно.

– На каком канале оставить?

– На любом.

Включив телевизор, он остановился на первом канале, где показывали новости, произошедшие в России к этому часу.

– Пойдёт?

– Нет.

И тогда он стал переключать один канал за другим, пока не наткнулся на мультфильмы, которые устроили её.

– Мальчик, а ты что тут делаешь? – задалась вопросом

Зара после того, как просмотрела мультфильм около десяти минут.

После этих слов, прогремевших словно буря, Тимофей буквально оторопел. Находясь в недоумении, он пытался улыбнуться, чтобы не показывать шок.

– Мам, это я, твой сын Тима. Ты что, не узнаёшь меня?

– А-а-а, Тима, конечно. Просто я без очков сразу не увидела, – здравый смысл в её голове ещё старался бороться с болезнью, но с каждым разом это становилось делать всё сложнее.

– Ты хочешь что-нибудь поесть?

– Не-е-е, спасибо, мальчик.

– Тогда я пойду, мам. Рита зайдёт к тебе в обед и покормит, а я ещё раз вечером заеду.

Довольно интересный распорядок визитов получился между детьми этой старой, психически нездоровой женщины. Сыну, младшему из её детей, довелось приезжать и кормить её утром и вечером каждый день, а сёстры решили приезжать в обед по очереди. Причём случалось так, что необходимые обеденные посещения пропускались, и это происходило не так уж и редко. Также было оговорено, что забирать стирать вещи будет Тимур, так как у Риты жил маленький внук, и она не хотела стирать грязные вещи своей матери с маленькими вещичками внука.

В какой момент в жизни людей меняются моральные принципы? Становясь старше, мы забываем, благодаря кому

мы существуем, чья забота и любовь оберегала нас на протяжении всей жизни. А когда потребность в этой заботе исчезает, люди, дарившие нам её, напрочь забываются. Забывая лица своих родителей, мы забываем своё лицо и теряем его навсегда, становясь безликими.

– Пап, а разве это нормально, что они ходят только в обед, и то по очереди? Логичнее было бы, чтобы каждый ходил по одному разу в день.

– Конечно логичнее, но они наотрез отказались, а я ведь не могу позволить себе бросить её. Так что выбора особо не предоставляется.

– Знаешь, я обдумывал сложившуюся ситуацию – это ужасно.

Ровно через месяц случился инцидент, который изменил Тимура на всю оставшуюся жизнь. Хотя мозг, безусловно, постарался запихнуть эти воспоминания куда-нибудь поглубже в сознание, но след остался навсегда.

В очередной раз вернувшись в квартиру и открыв дверь (у его матери не было доступа к ключам, чтобы она не могла покинуть жилище из-за того, что совсем не отдавала отчёт происходящим событиям), он зашёл внутрь и почувствовал сильный запах мочи, доносящийся из единственной комнаты. Тимур не увидел в коридоре свою маму, хотя обычно это случалось, когда он приходил. Чуть пройдя по квартире, он заметил её в дальнем углу комнаты: абсолютно голая она сидела на корточках посередине комнаты, справляя малую

нужду прямо на пол. Стыд и беспомощность охватили Тимура, его одолело желание развернуться и больше никогда в жизни не возвращаться в эту квартиру.

– Мам, ты чего делаешь? У тебя же есть туалет?

– Ой, точно, сыночек. Я совсем забыла! У меня ведь туалет есть.

Затем она резко встаёт и, продолжая писать, идёт в сторону сына.

– Ма-а-а-ам! – отворачиваясь в сторону, чтобы не видеть наготу своей матери, завопил Тимур. – Я прошу тебя, надень что-нибудь.

Проигнорировав слова своего сына, она отправилась в уборную. Тимур отправился к шкафу, обходя лужи мочи, и схватил первую попавшуюся простыню, чтобы накрыть ей на время свою старую мать.

Накормив завтраком и протерев лужи, он поспешил покинуть это помещение с переполняющим чувством угнетения.

«С кем можно поделиться такими переживаниями? Уж явно не с друзьями. Во-первых, это им ни к чему, а во-вторых, довольно стыдно о таком рассказывать», – думал Тимур. К тому же, на его счастье, рядом с ним находились те люди, которые смогут выслушать и понять – его семья. Он делился с ними всем и от этого на душе становилось чуть легче. Не многие люди способны нести весь груз в себе, а если так случается, то зачастую это сказывается крайне печально на их моральном состоянии, если они не находят альтерна-

тивную возможность выплеснуть свои эмоции, свой страх и безвыходность сложившейся ситуации.

И тем, кому не удаётся найти выход из морально гнетущей клетки в своей голове, становятся заложниками самого себя: часто это уродует их до неузнаваемости.

Жизнь Тимура была самой обычной ровно до тех пор, пока ему не пришлось делать визиты к женщине, что родила его, что превратила этот кусок жизни в мучения и страдания. Он перестал следить за днями и неделями, так как все они были похожи на предыдущие, а грядущие не предвещали ничего нового.

Проклятый день сурка! Тем не менее, новизна случалась в этом медленном течении жизни и каждый раз от них оставались неприятные ощущения.

Навестив в один из чреды бесконечных дней свою мать, он застал её безутешно рыдающую у окна на кухне. Обеспокоившись, он бросился к ней, чтобы узнать причину слёз.

– Мамочка, милая, что случилось?

– У меня сегодня сын умер, – не переставая рыдать отвечала Зара.

Это были искренние слёзы и эмоции, какие можно увидеть только тогда, когда мать теряет своё дитя. Тимур развернул её к себе, взяв за руки и попросил посмотреть на него.

– Какой сын? – не осознавая происходящего в растерянности, он задал вопрос.

– Тимурчик, сыночек мой погиб.

– А я кто, мама?

– Я не знаю. Помню, что ты приходишь каждый день и кормишь меня.

После таких слов за ту ночь на голове Тимура появилось несколько десятков седых волос. Он прекрасно понимал, что она больна, но от этого не становилось легче.

С каждым днём ему было всё сложнее возвращаться, мысли были настолько запутанны, что его сознание начинало пошатываться.

– Знаешь, мам, о чём я думаю последнее время, – начал свой разговор, обедая за столом, Миша, – вот ты веришь в Бога, и что он такой весь хороший, добрый. А разве мило-сердно с его стороны делать так, чтобы родной сын видел свою маму голой?

– Давай не будем говорить на эту тему, ты ведь знаешь, что я этого не люблю. У нас с тобой разные взгляды на мир.

– А я хочу об этом поговорить. Раз уж твой Бог делает так, что родному сыну говорят, что он умер, причём его же собственная мать. Это правильно, по-твоему? Нет, я не спорю, что эти вопросы нужно задавать не тебе, и что ты в чём-то виновата – нет. Мне интересно, как ты можешь продолжать верить в то, что очевидно является воплощением зла и безумства. Ты мне часто говорила, что в жизни всё происходит так, как должно было случиться, и что всё приведёт к лучшему. И вот что я хочу узнать: это ж с какого хрена должно было так случиться? Урок? Для чего? Для того что-

бы сойти с ума от горя? И хорошо, что у него есть мы. Но ведь есть много людей, которые переживают подобные ситуации в одиночку. Знаешь, я, конечно, люблю бабушку, но из-за болезни это теперь не она. Это абсолютно другой человек, который мучает своё окружение. Как мне кажется, в таком положении лучше бы было, как бы мне не хотелось этого говорить, но лучше б она умерла. Стало бы легче и ей, и её родственникам.

– Что касается последнего, я с тобой даже согласна. Мне надоело смотреть, как твой отец мучается изо дня в день. А насчёт Бога я скажу то же, что и в первый раз: я не хочу об этом разговаривать, – с сочувствием ответила Светлана Александровна Фриман.

– Вот так вы, верующие, и уходите от ответа, когда вам нечего сказать. Я лишь хочу, чтобы ты знала, когда я умру, и вдруг случится чудо и меня отправят на небеса для суда моей души, я плюну этому ублюдку прямо в рожу и с удовольствием пойду гореть в котёл. Потому что если он и есть, я не намерен находиться рядом с этим куском говна.

По прошествии полугода после прибытия, Зара Игнатьева скончалась от инсульта, который случился после восьми часов вечера, уже после визита её сына. На следующее утро Тимофей, зайдя в квартиру, почувствовал помимо сильного запаха мочи трупное зловонье. Свежую и мощную, пронизывающую от головы до ног, заставляющую слезиться глаза вонь умершего человека. Сразу и не скажешь, что он почувство-

вал. С одной стороны, горечь и утрату, а с другой – неимоверное облегчение. Конечно, не до конца понимая, что он освободился от тюрьмы, в которую его загнала родная мать, но чувствуя облегчение, что, наконец, это всё закончилось, он упал на колени и зарыдал.

Теперь оставалось продать квартиру и поделить деньги на троих. Хотя, конечно, он как никто знал, что уход за его больной матерью почти полностью лёг на его плечи, но в нашем законодательстве об этом ничего не говорится. Да и хрен с ним, лишь бы это побыстрее закончилось, и он мог забыть про свою «семейку Адамс». Занятие похоронами тоже выпало на его долю. После того, как труп пробыл несколько суток в морге, для того чтобы установить точную причину смерти, он отправился в дом семейства Фриман, где предстояло пробыть ещё целый вечер и всю ночь до утра.

В это время гроб и остальная атрибутика были уже заказаны, место на кладбище подготавливалось полным ходом. Чувство горя практически отсутствовало: они все так устали от фокусов мамы, что после её кончины ощущали покой на душе. Закончив все дела, Тимофей, вымотавшись, приехал домой, где перед двором повстречал своего соседа, жившего напротив. Высокий худощавый мужчина с лысой головой, как влажный и гладкий речной камешек, что отблёскивал на солнце. Бывший уголовник, правда, он никогда не рассказывал, за что сидел, но всегда был довольно добродушным соседом, который иногда любил пригубить чего-нибудь по-

крепче.

– Ну как ты, дружище, держишься?

– Да, потихоньку, – без особого энтузиазма ответил Тима.

Он недолюбливал этого парня – всегда знал, можно сказать, чувствовал, что за его приветливой улыбкой кроется что-то зловещее и недружелюбное.

– А что с квартирой делать будете?

– Тебе-то какая разница?

– Да так просто, ради любопытства.

– Продадим, – кратко ответил Тимофей.

– Понятненько. А завтра похороны будут?

– Да, – в ответе Тимофея чувствовалось напряжение.

– Ну я зайду. Ладно, давай, не буду тебя отвлекать.

– И тебе всего хорошего.

После классических ритуалов над телом покойницы её повезли в катафалке в этот солнечный весенний денёк, на кладбище, где должны были встретиться все её дети и внуки, и уже даже один правнук. Но на последней встрече, чтобы отправить усопшую в последний путь, появились лишь дети и только один внук из четырёх – Миша.

Многие считают, что независимо от того, каким являлся человек, следует навестить его в тот момент, когда он покидает эту иссохшую землю навсегда. Но так ли это? Когда человек рождается на свет, невинный и чистый, его могут встретить тысяча людей и праздновать этот день на протяжении долгого времени.

Число людей, которые провожают тебя на последнюю тропу, вероятно, показатель того, как ты распорядился этой жизнью. Какие совершал поступки и их последствия, что ты преподнёс этому миру и людям, что окружали тебя. Зачастую по количеству людей на похоронах можно рассудить и о человеке, с которым они прощаются. Но этот показатель не всегда является истинным. Зара всегда любила своих детей и внуков и была порядочной женщиной. Всегда жила по совести, а по итогу получила от своей любви ничтожную кроху благодарности, хотя следует отметить, что она никогда и не просила ничего взамен.

В тот дождливый и сырой день Миша впервые в жизни увидел на мемориальном кресте фамилию своей семьи. Сдерживая слёзы, он ясно понимал, что это не будет последним разом. От этого становилось ещё грустнее. Он не чувствовал душевной боли от потери родной бабушки из-за того, что большую часть его жизни она провела вдали от него, поближе к старшим внукам, которые не удостоили её чести явиться в этот траурный день.

В следующие дни появилась последняя общая тема, которая связывала Тимофея с его родственниками. Устав от постоянных скандалов, сплетен и интриг, он желал поскорее разобраться с наследством и больше никогда не видеться со своей «любимой» роднёй. Большим удивлением для Тимофея стало завещание и те люди, что были в нём указаны. Деньги, которые они получают за продажу квартиры, делились

не на три части, как полагалось по количеству её детей, а на четыре, что соответствовало числу внуков. Увидев очередную несправедливость, ему вновь стало больно за мир, в котором он живёт. В нём оставалось желание прекратить споры, и он смирился, понимая, что его сын Михаил отдаст часть, которая принадлежала ему.

Спустя пару месяцев, когда завещание вступило в силу, уже найденные покупатели сидели у юристов, чтобы заключить договор купли-продажи квартиры. Три члена семьи прибыли в контору, чтобы оформить сделку и распрощаться навсегда. Миша и две его тётки, у которых была доверенность от своих детей, сидели напротив юриста и подписывали бумаги. Тем временем Тимофей отправился в город, чтобы разрешить свои бытовые дела. Перед отъездом он пообещался со своим соседом и ненароком поделился, что сегодня у него появиться ни много ни мало полумиллиона рублей. Тима должен был закончить свои дела до двух часов дня, а затем заехать за сыном.

Получив свою долю, Михаил не стал дожидаться отца и не отправился к себе домой. Он заранее решил покинуть свой городок: за день до этого собрал вещи и отнёс их в камеру хранения на привокзальной площади, чтобы поехать и отдохнуть от изнурительной учёбы и репетиторов в столицу к своим друзьям. По приезду он арендовал себе автомобиль марки «мерседес» премиум-класса и отправился в самую дорогую гостиницу, где снял президентский номер на три дня.

Он решил остаться в номере, чтобы дождаться своих друзей, которые должны были приехать в ближайший час, а почувствовав голод, заказал себе ужин на приличную сумму.

Тимофей прибыл к назначенному месту вовремя. Пробыв в машине около двадцати минут, он решил зайти в контору сам, но, не найдя там ни своего сына, ни сестёр, понял, что случилось что-то неладное. Безуспешно пытаясь дозвониться до Миши – его номер был выключен – Тима решил, что, вероятно, он уже дома и начал звонить своей супруге, но та тоже стала недоступной.

Находясь в пути до дома, в его голову стали забираться самые разные мысли, которые навеяли на душе тревогу, и поэтому он нажимал на педаль газа всё ниже и ниже. Доехав до дома, Тимофей заметил, что его собака лает в сторону входной двери и даже не обращает на него никакого внимания, чего обычно не случалось.

Поспешив зайти в дом, он обнаружил связанную супругу, позади которой стоял их сосед, держащий нож у её горла, исподлобья поглядывая на Тимофея.

– Здорово, Миха! Чё, как дела, брат? – стоял и улыбался лучший друг Миши, как он думал на тот момент.

– Здоров. У меня куча бабок, как я и обещал.

– Ты готов к этим дням, которые ты не сможешь забыть за всю свою жизнь?

Слегка волнуясь и предвкушая, Миша лишь улыбался и кивал головой.

– Сейчас подъедут пацаны и привезут кокса, тогда мы начнём гулять. Ещё сильнее подзадорил его друг, которого звали Сергей.

Спустя час к ним приехали ещё два паренька – Алексей и Кирилл. У одного из них был небольшой пакетик, в котором находилось около пятнадцати грамм кокаина, который они планировали употребить за три грядущих дня.

– Ну что, вжарим по дорожке и погнали тусить? Ты первый, Мих, так сказать, новичков вперёд.

Расположившись перед столом, ему высыпали небольшую кучку порошка на стеклянную поверхность и сделали две ровные полоски, длиной в пять сантиметров. Руки Миши начало немного трясти, но он всё же смог поднести трубочку для напитков к ноздре и преклонился кокаину. Затянув первую дорожку он резко подпрыгнул – его нос обожгло, словно кислотой. Из глаз потекли слёзы.

– Я всё, парни, давайте вы, – проскандировал Миша.

Вся компания разом засмеялась, а затем Кирилл сказал, что он почти ничего не нюхнул и следует пробить и вторую дорожку второй ноздрей. Накачавшись кокаином как следует, они отправились в ночной клуб, где танцевали так, будто это их последний танец в жизни.

Тимофей начал быстро размышлять, что же ему следует делать, но, не успев понять, что происходит, ему прилетело по голове чем-то тяжёлым. Он отключился.

– Сосед, просыпайся, нам пора поговорить, – последовали

шлепки по щекам, после чего хозяин дома начал приходить в сознание.

– Ты чё творишь, урод? – сказал Тима, а затем почувствовал жёсткий удар в челюсть, который отправил его в лёгкий нокдаун.

– Не-е-ет, хватит, остановитесь, у нас нет денег, – закричала связанная Светлана, которая наблюдала за происходящим.

– У меня нет денег, сделка сорвалась, тупой ты придурок, – ответил Тимур.

Затем его сосед со своей компанией начал избивать его до полусмерти и, придя к решению, что он не заговорит, принялись за его жену.

– Не надо, я прошу вас, не трогайте её.

– Я тебе ещё раз спрашиваю, где, мать твою, деньги?

– Нет никаких денег, сколько раз мне надо повторить это? Нет! Сделка не состоялась.

После этого они начали раздевать её догола и утверждать, что будут насиловать её на его глазах, а затем зарежут, как свинью. Тимофей понимал, что деньги у его сына, но не мог сказать этого преступникам, так как ставил его жизнь под угрозу. Он сильно напрягся, пытаясь расслабить верёвку, которой был связан, но это не приносило успеха. Затем он наблюдал, как три человека насилуют его жену, а в конце перерезают ей горло.

Столько злости и ненависти он не чувствовал никогда. От

бессилия он зарыдал, желая поскорее умереть.

– Знаешь, Тим, ты сейчас можешь рассказать нам где деньги, и мы оставим твою благоверную супругу целой, либо мы нарежем её на кусочки и раскидаем по всей комнате? А? Как тебе такой вариант?

Рыдая, Тимофей плюнул в лицо своему доброму соседу, после чего получил ещё один удар в висок. Он наблюдал, как от его жёны отрезают пальцы, затем руки, ноги, грудь, задницу, а в конце голову. Один из парней, взяв в руки голову, приоткрыл ей рот и начал пихать свой член прямо перед лицом Тимофея.

Издевательства над кусками тела продолжались ещё около получаса, а затем Тимофей почувствовал, как резким движением ему отсекли ступню. Он кричал, но от криков не было никакой пользы: его рот был забит тряпками. Затем отлетела вторая стопа, после чего он отключился и уже не смог прийти в сознание, так как конечности не могут работать, находясь в дистанции друг от друга.

Миша с своими друзьями протанцевали чуть ли не до самого утра – в них было полным полно энергии, которую давал им кокаин. Когда танцы начали им докучать, его лучший друг предложил поехать обратно в номер и заказать индивидуалку, которой он часто пользовался и знал, что она не откажется от группового секса за хорошие деньги.

– Братец, у меня есть знакомая девочка. Ну как девочка, уже женщина. За хорошие деньги она будет отсасывать нам

по очереди хоть целый день.

– Класс! – с энтузиазмом ответил Миша.

После этого они отправились в отель, по пути заехав к эскортнице по имени Кира. Всё началось как в добротном порнофильме: они окружили её со спущенными штанами, а она жадно брала в рот каждый член, а затем лучший друг Миши, Олег, предложил угостить её коксом и пойти втроём в спальню.

Они трахали её во всё дырки, куда влезал член, около двух часов, а затем Олег откуда-то достал нож и вонзил его в ямочку, что находится ниже шеи. Она даже не успела понять, что произошло, и моментально умерла. Миша даже не обратил на это внимания и просто продолжал насаживать её на член. Он заметил что-то лишь тогда, когда кончил в неё и увидел, что простынь залилась кровью, а его друг находится в отключке с пеной у рта. В этот момент он полностью протрезвел и до ужаса напугался. Выскочив в гостиную, он обнаружил, что два его друга спят непробудным сном и, не решившись их будить, поспешил покинуть отель. В его кармане остались около ста тысяч, которые он намеревался отвезти домой. Он даже не помнил, как добрался до вокзала, а затем проделал трёхчасовой путь на поезде.

Его разум покрылся туманом – он не имел возможности трезво оценить ситуацию. Ужас прокрался в каждую клетку его тела, он просто желал поскорее добраться до дома и на коленях просить прощения у своих родителей, в надежде,

что они его не прогонят.

Добравшись до родного города, он не стал брать такси, как это случалось обычно, а решил прогуляться пешком, тем более это не занимало более получаса, и заодно поразмыслить, как же он объяснит всё родителям. Уже дойдя до дома, он почувствовал усиливающееся волнение и поспешил войти внутрь.

Уже в коридоре он ощутил сильную трупную вонь, а зайдя в гостиную комнату перед его глазами раскрылось зрелище, которое нельзя было бы придумать и в самом страшном сне. Вся комната была покрыта кровью и частями тел. Мишу начало трясти, а дыхание остановилось. Он медленно подошёл к лежащей на полу голове, которая была повёрнута в сторону стены. Перевернув её осторожным движением, он увидел, что это была голова его матери. Его крик от ужаса был настолько силён, что в один момент он решит, что сам оглохнет. Боль накатила такой силой, что его сознание не выдержало, и он упал в обморок.

Около часа он пробыл в отключке, после чего проснулся. Сил хватило лишь на то, чтобы набрать номер полиции и продиктовать адрес дома. Затем он взял головы своих родителей, прижав их крепко к себе, и неумолимо заплакал прямо посередине комнаты.

Полиция приехала спустя пятнадцать минут и нашла парня с двумя головами в руках.

– Лейтенант Власов Василий Игоревич, – представился

первый вошедший полицейский, но в ответ не получил ничего.

После этого Михаила отправили на принудительное лечение в столичную психиатрическую больницу, где он пробыл всю свою жизнь, не считая случая, когда однажды ему удалось сбежать.

Послесловие

Я хотел бы начать свои последние слова в этом произведении, если его можно так назвать, с того, что...

Я не уверен, что кто-нибудь дойдёт до этих строк, но всё же мне хочется верить, что такие люди найдутся. Именно им я бы хотел сказать, что это не просто выдуманные строки. Это строки из моей души: я писал их с надеждой, что мне станет легче, когда я вынесу их в текст из своей головы.

Я даже не уверен, что кому-нибудь следует это читать...

Изначально я не знал, о чём будет эта книга, лишь примерно понимал, – но вышло совсем другое...